

САНИЯ ШАВАЛИЕВА

**ПЧЕЛА
В ЦВЕТЕ
ГРАНАТА**

Сания Шавалиева
Пчела в цвете граната
Серия «Городская проза»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455736

*Пчела в цвете граната:
ISBN 978-5-17-146962-7*

Аннотация

Окончив школу. Ася приезжает к родственникам и устраивается работать на завод. В общезитии с ней заводит дружбу красавица из башкирской деревни и рассказывает свою трагическую историю: в подростковом возрасте ее изнасиловали, преступник – родной дядя, он в тюрьме и грозит убить жертву, когда выйдет. Ася потрясена, ведь сама она. воспитанная матерью в строгости, ничего не знает об ужасах жизни и даже думает, что дети рождаются от поцелуев!

Наивная девушка робко осваивается на заводе, знакомится с диспетчером Раисом. который куда опытней ее. Ася ждет глубокой любви. Раис требует лишь постели и с досады бросает недотрогу и распускает о ней грязные сплетни. Ася с горечью уходит в свои общественные обязанности и работу, поступает на вечернее отделение института. А когда в их группу, демобилизовавшись после армии, приходит Руслан, для Аси начинается настоящая жизнь, полная радостей и тревог.

Семейная сага, роман воспитания чувств и воспоминания о 80-х так оригинально сплелись в книге Сании Шавалиевой. что невозможно не поверить: это действительно было – с теми, кто и сейчас живет на соседней улице.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	75
Глава 6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сания Шавалиева

Пчела в цвете граната

Издательство благодарит «Литературное бюро Натальи Рубановой» за помощь в приобретении прав на издание книги.

© Текст. Сания Шавалиева, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Как только Ася спрыгнула со второй полки плацкартного вагона, отец неожиданно потребовал, чтобы она надела плащ.

Ася откликнулась не сразу, молчала несколько секунд, соображая, с чего вдруг отец стал таким заботливым. Никогда вроде бы такой чуткостью не отличался...

– Надень, говорю, – продолжал настаивать отец.

В вагоне жара, духота. Воздух настолько спёртый, что возникает ощущение, будто тебе в горло засунули чьё-то нестираное бельё.

Отец уже не говорит, просто тычет Асе в лицо её нейлоновый шуршащий плащ, настолько мятый, словно побывал в пасти голодного дракона.

– Не хочу, – Ася забрала плащ, скомкала, попыталась вернуть в сумку.

Отец смотрит с беспокойством. Ася пытается понять, что это с ним. Старческий маразм? Раньше-то всё было наоборот: её красный плащ отца раздражал. Она кружила перед ним в новинке, а он старательно отворачивался, мучаясь от её обременительного присутствия и сентиментального восторга. Его раздражали её высокие каблуки, яркая помада, короткая юбка. А она постоянно вертелась рядом и хвасталась новинками: то платьем в облипочку, то клетчатой юбкой с

разрезом вдоль бедра.

Сотни раз он ловил себя на мысли, будто чего-то ждёт от неё. Может, признания? Однажды откроет дверь и скажет ему, что она – вовсе не его? Ну не может у такого плюгавенького мужичонки, как он, родиться такая дочь. На голову выше, волосы вьются большими кольцами, чёрные брови очерчены чёткими дугами над большими голубыми глазами. Глаза похожи, а всё остальное – чужое.

Его задачей было вырастить дочку: кормить-поить, одевать, следить, чтобы вовремя садилась за уроки. Но к тому, что дочь превратится в такую красавицу, он был не готов.

– Надень плащ, – требует отец, а сам смотрит на седовласую женщину, примостившуюся за столиком у окна. Она, кажется, понимает, почему мужчина так настойчив.

Ася мотает головой.

Отец встаёт.

– Садись. И не трогайся с места, пока я не приду. Нам через две станции выходить.

– А чай?

– Сейчас принесу.

Ася смотрит в окно. Из-за рамы медленно выплывает большой город. Невысокие дома постепенно растут ввысь и вширь, красятся из серого в жёлтые, синие и коричневые, деревянно-пригородные сменяют каменно-городские. Как всё-таки Пермь отличается от Губахи!

У Аси грандиозные планы. Как все девчонки из 10 «А»,

она мечтает поступить в Пермский фармацевтический институт, хотя сама окончила 10 «Б». Так получилось, что в «А» у неё оказалось больше подруг, чем в своём. Ася целый год налегала на химию, потом еле уговорила отца проводить её до Перми и помочь подать документы.

– Девушка, – тихо говорит седовласая женщина, присаживаясь за столик напротив Аси.

Ася не откликается.

– Девушка, – требуя внимания, стучит пальчиком по столешнице женщина, – наденьте плащ. У вас сзади юбка грязная.

Ася понимает не сразу, а когда доходит смысл, вскакивает, перетягивает юбку вперёд. Да что ж такое? Ещё свежее пятно, удлинённое по вертикали, словно криво улыбается. Как же так! Асе не верится в свой позор, особенно перед отцом. Он же говорил! Подсказывал!

«Может, застирать? – оглядывается. – Не успеть! Очередь в туалет на полвагона!»

Господи! Как хочется вернуться в Губаху, спрятаться с головой под одеяло и плакать там всю ночь.

Когда отец вернулся, Ася сидела в плаще, застёгнутом на все пуговицы.

Отец благодарно улыбнулся седовласой женщине, поставил чай на столик, развернул газету с завтраком: четыре яйца, чёрный хлеб, четыре картофелины.

Есть не хотелось. Аппетит пропал напрочь.

– Ешь, – приказал отец и щедро макнул картофелину в соль. – Целый день бегать.

Хотя дул дневной ветер, ходить по городу в плаще было жарко. Из чьих-то окон хриплым голосом пел Высоцкий... Все, казалось, предавались радостному и беспечному существованию, только Ася с отцом нацеленно бродили по улицам в поисках института. Забрели в узкую улицу и обнаружили стоящую поперёк тротуара продуктовую машину-фургон. Её лениво разгружали люди в замызганных синих халатах. Звенели молочные бутылки, ухали поддоны с хлебом. Из подсобки разгрузкой руководил женский голос.

Ася попыталась проскочить перед грузчиком и тут же попала под лавину его мата и напора. Она стояла остолбеневшая, а он проследовал мимо неё с сознанием важности всего сказанного. Белый от муки, он ступал на грохочущие доски, приставленные к борту машины, отработанным движением цеплял мешок на спину и, сутулясь под тяжестью, возвращался в беззубую пасть магазина. За ним шёл следующий грузчик, его огромный рост невольно вызывал страх и уважение у случайного прохожего. Такой наступит и не заметит.

Отец потащил Асю обойти машину кругом, но они наткнулись на женщину с косой в руках. Она безостановочно секла травяные поросли, что, казалось, росли здесь испокон веков. «Вжик-вжик!» – создавалось впечатление, что с таким плачем трава падает на землю.

На другой стороне тротуара остановилась группа пионе-

рок в сандалиях на босу ногу, в мятых блузках, коротких юбках, красных пилотках, с важной радостью на детских лицах. Их внимательные глаза были полны безмерным восторгом от всего происходящего. Каждая девчонка двигалась, стараясь соблюдать общий строй, который пыталась создать пионервожатая. Её пушистые волосы при каждом взмахе руки рвались в стороны, как козий пух. И посреди всего этого воздушного, светлого, веснушчатого – широкая улыбка с редко расставленными зубами.

Пионервожатая улыбалась всему миру. Удивительно: при такой скудости тела такая красота выражения радости жизни!

– Раз! Раз! Раз! – маршировала пионервожатая на месте, чем забавляла и злила грузчиков.

Белобрысый смачно сплюнул:

– Нашоркать бы ты вехоткой.

– Девочки-и-и! – протянула вожатая. – Дав-вай!

Одна пионерка вскинула руки, размахисто ударила по барабану. Остальные подались в стороны и обнажили красный транспарант с белыми буквами: «Спасибо за труд!»

– Пропусти, – вяло приказал один из грузчиков. – А то мозг вынесут.

Как в детской игре, грузчики с мешками и ящиками замерли на месте.

Пионеры шумно просочились сквозь них и заиграли вдали.

– Э, красный плащ, шагаешь или нет? – грузчик вытащил из ящика бутылку молока, выдавил пальцем неокрашенную крышку из фольги, принялся жадно пить.

Ася с отцом заторопились дальше. Вслед за ними ветер потащил скошенные травинки, после неожиданного короткого путешествия им предстояло смирение в земле, усыхание на обочине или гибель под сандалиями прохожих. Ася подобрала одну из травинок, достала из сумки учебник по химии и положила травину между страниц.

Они стояли перед зданием института, и Ася уже мысленно видела себя в белом халате, за аптекарской стойкой провинциального городка. Кругом шкафы с таблетками, полки с бутылочками, в углу новые коричневые костыли с чёрными резинками на ножках. Почему-то именно такая картинка рисовалась в голове. Больше всего пугали детские костыли с запахом свежего лака. Именно такие она однажды увидела в аптеке. Хотя в тот день на прилавке стояла трёхлитровая банка с пиявками. Они метались по воде чёрными пиками и терроризировали посетителей своим угрожающим видом, а Асю страшили именно детские костыли.

Ася знала, что придётся сутками просиживать в библиотеках и погружаться в толстые тома медицинских знаний. На самом деле, наверное, больше всего предстоит корпеть над латынью. С языками у Аси проблема – чужие слова не запоминались, вылетали из головы птенчиками. Но не одной же ей будет тяжело! Она будет в окружении проникновен-

ных юношей в очках и светловолосых девушек с задумчивыми глазами. Они будут колдовать над спиртовками, колбамы, нервно грызть ручки и карандаши. Надо обязательно купить дорогую ручку с кнопочкой. Можно ручку и не грызть, а бесконечно щёлкать кнопочкой, чтобы кончик пасты выпрыгивал-запрыгивал, а ты с умным видом прислушивалась и думала над химической формулой... Надо не забыть выпросить у матери маленькую белую кастрюльку для манной каши.

Отец в сотый раз терпеливо дёрнул дверь института, стукнул в соседние окна, перечитал режим работы, развёл руками.

– Суббота, выходной, – роптал он, оглядываясь на Асю.

Но Ася уже воздвигла себе арку событий и сдерживать свой победный марш не собиралась. Она возмущалась тем, как можно отдыхать в такой судьбоносный период, когда со всей страны сюда едут выпускники. Им что? Студенты не нужны? Да в стране миллион вузов, которые ждут не дождутся студенток с прекрасным аттестатом, в котором всего две тройки – по английскому и русскому... От каждого недовольного слова её трогательное приветливое личико превращалось в надменное верблюжье с отвислой нижней губой.

Вдобавок Ася изнывала от пота. Как назло, сегодня солнце было щедро на тепло, а прорезиненный плащ не пропускал воздух, создавая эффект парника. Сначала Ася крепилась, надеялась, что сейчас подадут документы, вернутся на

вокзал, а там она помоеется, переоденется. Хотя переодеться было не во что. Ничего с собой не взяла. Задерживаться не собирались, хотели обернуться одним днём. Что сейчас делать? Ждать понедельника? А ночевать где? В Перми ни знакомых, ни родственников. Да и денег полкопейки, только на обратную дорогу.

– Пап, дай две копейки?

Отец пошевелил плечами, словно попытался сбросить с себя предчувствие конфликта.

– Зачем?

– Нужен автомат. Позвоним ректору. Пусть открывает!

Отец открыл кошелек, долго в нём ковырялся. Видно было, как дрожали пальцы, как вздувались жилы под татуировкой восходящего солнца на руке. Смотреть на татуировку сейчас было совсем невмоготу. Кажется, от каждого движения отца лучи увеличивались и удлинялись. Двух копеек не нашлось. Пришлось тащиться до ближайшего магазина для размена, затем искать телефонный автомат. Ася положила монету в паз и поняла, что не знает номера. Куда звонить? Ася смотрела на серую тяжёлую трубку и придумывала ей экзекуцию: ударить, порвать, оставить висеть с бесконечными гудками в пустоту. Как заставить этот бездушный аппарат передать ректору института нужные слова? У ректора, в отличие от бездушного автомата, точно есть жалостливое сердце, которое тебя поймёт. Ректор прибежит сам, примет документы, извинится за предоставленные неудобства и примет

Асю в институт без экзамена.

Словно прогоняя Асину сказку, в углу будки квакнула жаба. Тут же её пупырчатые щёки раздвинулись, стрельнул язык, и пойманная муха пропала в жабьей пасти. «Так трагичен удел мухи», – наверное, квакнула жаба и не мигая уставилась на Асю.

Ася хлопнула дверью будки и присела рядом с отцом на невысокий штакетник. Постаралась устроиться так, чтобы деревянные треугольные штыри брусков не сильно впивались в тело. Жутко неудобно, но привычно. С детства так делали. Сегодня сидеть на штакетнике оказалось невыносимо, нижняя часть тела мгновенно отозвалась зудом и болью.

– Что будем делать? – отец отломил от хлеба добрую половину, протянул Асе.

Откусила, почувствовав кисловатый привкус чёрного хлеба, заплакала.

– Там в будке жаба. Наверное, из института сбежала. Говорят, там их режут для опытов.

– Мы во время войны их ели, – улыбнулся отец. – Их в кумыс клали. Мы пили кумыс и лягушками заедали.

– Ужас! Зачем в кумыс-то?

– Они ж холодные. Вот и холодили.

Ася внимательно посмотрела на отца. Она была поздним ребёнком, и, скорее всего, отец в недалёком будущем станет ветхим, костлявым стариком. Начнёт впадать в уныние, бесконечно поучать молодежь, ворчать в магазине, на почте:

«Вот мы в наше время» – или того хуже – писать кляузы в центральные газеты и Комитет партии. Отец в партии не состоял, был серой прослойкой между «за» и «против». Но при этом был честен и справедлив. Однажды нашёл на улице тридцать рублей и отнёс в милицию. Милиционеры удивились и даже попробовали уговорить отца забрать деньги обратно. Но он отказался и потребовал от милиции найти растеряху. Конечно, судьба денег осталась неизвестной, но через неделю в местной газете про отца появилась хвалебная статья. Мать гордилась, а соседи откровенно ржали, называли дураком и блаженным. После статьи продавщица в магазине в шутку посоветовала отцу купить лотерейный билет.

– Раз фартит, пробуй.

Отец согласился, и семейный бюджет пополнился тремя рублями. С тех пор продавщица неизменно на сдачу подсовывала билетик, и он всегда был выигрышным – рубль, иногда три. Приметив такую роскошь, продавщица сама стала покупать билетики, но у неё не ладилось. Да и у отца был тот же ноль, если покупал билет по собственной воле. Тут срабатывала какая-то неведомая парадоксальная игра. Для выигрыша надо было обязательно соблюсти традицию. От продавщицы – два-три раза в месяц сдача лотерейным билетом, от отца – покорность и на Восьмое марта букетик искусственных фиалок.

– На вокзал? – устало спросил отец. – Сама потом прие-

дешь.

Отец поднялся, отряхнул зад от кусочков растрескавшейся краски штaketника и неспешно зашагал к вокзалу. Его сопровождали жаркий поплавок солнца, неокрепшие облака, васильковая гладь неба. Мимо медленно проплывали дома, в окнах волшебными королевскими накидками шевелились тюлевые занавески.

Отец никогда не упускал случая помолчать. Спрашивать что-то было просто бесполезно. Вот если бы сейчас они шли с учительницей истории, она бы воспользовалась возможностью втемашить в голову ученицы всякую историческую или архитектурную белиберду: «Видите, – стала бы говорить она и махать руками, – впереди нас ожидает Мотовилихинский район. Он прославился тем, что во время революции 1917 года рабочий завода Гавриил Мясников стал организатором и инициатором убийства отправленного в Пермь великого князя Михаила Романова, которого многие сегодня называют Михаилом II, ведь именно в пользу младшего брата отрёкся Николай II в марте 1917 года. Убийство Михаила Александровича послужило своего рода сигналом к началу кровопролития между представителями семьи Романовых, оставшимися в России».

Было ощущение, что учительница рассказывает о своей собственной разбитой мечте, связанной с тайной сутью её минувшей жизни. Её живая душа осталась там, за порогом революции, а здесь существовала только телесная выжим-

ка, напоминавшая сушёный гриб. Про Мотовилиху она знала всё, словно выросла здесь: «Символом Мотовилихи был пятидесятитонный паровой молот. Когда он работал, в городе дрожали стёкла. Когда Каму подтапливало и все улицы превращались в реки, люди ходили по деревянным высоким тротуарам. Мотовилиха – это классический город-завод»...

По дороге Ася зашла в аптеку. С отцом договорились встретиться на вокзале. У луноликого выреза в стекле стояла старушка в серой юбке древнего образца, серой ситцевой рубашке в мелкий серо-зелёный цветочек. Она учтиво что-то говорила молодому аптекарю, а он отказывался, отнекивался.

– Ну дай... последний раз прошу.

– Баб Шур, ну чесслово, не могу.

– Да что ж ты за паршивец такой? – начинает тихо закипать старушка.

Ася в ожидании тёрлась у прилавка с бинтами и ватой. Старушка, чуть ли не флиртуя, наседала на аптекаря.

– Слышь ты, мне Верка говорила, что ты помог.

– Баб Шур, отстань, – уже злился аптекарь. Чтобы отвлечься от назойливости бабы Шуры, обратился к Асе: – Девушка, вам помочь?

– Мне это... – Ася застеснялась. К такому бы аптекарю на свиданье бегать. Если она сейчас попросит бинты и вату, он обязательно догадается, для чего.

Аптекарь и старушка внимательно ждали, отчего Ася ещё

больше раскраснелась и практически впала в ступор.

– П...да болит? – вытряхнула старушка на Асю крепкое слово.

Коротко, ёмко и по-человечески. Ася к такому не привыкла, она стояла, хлопала ресницами и туго соображала: согласиться, сбежать, расплакаться? Старушка, прям как та жаба в телефонной будке, уничтожила её одним движением языка.

– Вам прокладки? – аккуратно уточнил аптекарь.

– Нет! Сиськи мять! – бухнула старушка. – Чё девку ступоришь?

– Ладно, схожу посмотрю. – Аптекарь тихо пропал в дверях подсобки и появился с припрятанным товаром «для своих».

– Тридцать шесть копеек.

Старушка восхитилась щедрым жестом аптекаря.

– Это тебе не фронтовые придорожные лопухи. Эх, девка, подфартило. – Заметив сдачу, быстро улыбнулась. – Слышь, у тебя чё по деньгам? Есть подсобить на лекарство?

Асины рука, уже готовая собрать монеты, замерла.

– Не давайте, – предупредил аптекарь.

– Аскофену мне, – взбунтовалась старушка. – Шесть копеек.

Ася отсчитала монеты, пошла на выход. Теперь главное – добраться до вокзала. Старушка права, у Аси уже болит всё...

Ася росла стеснительным ребёнком, лишних вопросов родителям не задавала, да и вообще никаких вопросов не задавала. Она считала, что родители настолько древние, что в современности ничего не смыслят. Чаще всего разговор с дочерью провоцировала мать. Однажды сцепились по пустяшному вопросу. Мать открыто заявила, что все скоро забудут Ленина, а вот Бог рядом будет всегда. Каково такое слушать? Ася пришла к выводу, что мать захворала или под старость лет сошла с ума. «Как можно забыть Ленина? Он лежит в Мавзолее. Хочешь посмотреть? Сходи. Шесть часов очереди – и ты у самого великого гроба. А где Бог? Покажите мне его! На небе? Гагарин летал и не встретил. Чего-то, маменька, ты не понимаешь. А раз не понимаешь, нечего голову морочить». Мать не спорила, уходила на кухню и варила пустые щи или кашу. На большие праздники в щи добавлялось мясо, а в кашу – молоко.

Ася вышла к набережной, залитой июньским солнцем. Видимо, у неё внутри находился какой-то компас, который заставляет идти к воде. Тот же компас заставляет искать место поукромнее, тихо ойкать от прохлады речной воды. Ничего сложного, простые телодвижения, это может сделать любая идиотка. Ася сидит в воде, словно наседка на яйцах, и купается в запредельном блаженстве. Как мало человеку надо! И уже плевать на институт, на неудачу с подачей документов. Одно только беспокоит: сердце разрывается от вероятности оказаться увиденной неизвестными людьми. Они

сразу всё поймут. Об этом противно думать и постыдно говорить, хотя это один из законов природы.

В воздухе висел комар. Его жужжанье медленно и лениво кружило над водой.

– Вылазь! Хвору прихватишь.

Ася сдавленно взвизгнула, подскочила, юбка парусом легла на воду. Она стояла в воде, потрясённо глядя сквозь кусты на бабу Шуру. От ветра её седые волосы шевелились старой рваной паутиной, а рубашка и юбка пузырились монументальной серостью крейсера «Аврора». Очевидно, топталась она давно, потому что уже скинула обувь и грела пятки о камни.

Каким образом она нашла Асю? Торопилась следом? Ася не подозревала, что за ней подглядывали. Вероятнее всего. Иначе найти её среди завитков кустов было бы невозможно.

– Не смотри так. Я ж в войну в разведку ходила. Так запаршивеешь, что на другой край земли попрёшь. Мы однажды с одним узбеком пошли, я не удержалась, отпросилась на речку – взбрызнуться. Вертаюсь, а на берегу пять немцев вповалку. «Как? – спрашиваю. – Один управился?» А он: «Он тебя смотреть. Я патрон нет, гранат нет, сапёрным лопатком твою мать один немец ёб, второй ёб, другой биляд ёб». Со всем молодой узбек был. Я его тащу, раненого, а он просит бросить. «Ты биляд, сам кровь!» Со всем зелёный узбек... – негромко, почти просительно сказала она. – Твой красный плащ хороший ориентир.

Камень, на котором стояла старушка, и впрямь был тёплым. Знал, наверное, что сегодня пригодится двум особям, и потому целый день старательно вбирал в себя щедрость солнца.

Старушка присела рядом – надёжно устроилась, растопырив руки, вытянула ноги, подставила лицо солнцу. Кожа на лице как кора древнего тополя, шишковатые локти, колени, пальцы на ногах криво топорщатся, наползают друг на друга.

– Ты пойми, это очень важно для меня.

«Что важно?!» – Ася потянула край плаща, на который тощим задом попала старушка. Прорезиненная ткань лениво зашуршала по камню.

– Я пойду, меня уже, наверное, отец потерял.

– Руку дай?

Ася с сомнением протянула руку, почувствовала прохладу и жёсткость старости. Баба Шура сжала Асины пальцы.

– За лекарство спасибо. Загадай желание. Выполню.

«Мужа хорошего», – с лёгким замиранием сердца подумала Ася. Тут же отругала себя за нелепость. Могла бы додуматься до чего-то более оригинального.

– Что ж это у тебя в башке творится! – возбудилась баба Шура, словно слышала Асины мысли. – Впервые такое желание слышу.

– Извините! – глухо проговорила Ася. – Мне... уже нужно идти.

Поднялась и пошла.

Резкий окрик, остервенелая ругань – и вот уже старушка обогнала Асю, трепеща на ветру широкой серой юбкой, болезненно ступая кривыми пальцами.

– Подумай! Я не каждый раз предлагаю.

И Ася сказала негромко, но на этот раз очень твёрдо:

– А мне нравится моё желание, – и почувствовала себя влюблённой, а так как рядом не было прекрасного принца, то она заменила его радостью жизни. Она всем телом почувствовала, как за этим непродуваемым красным плащом, за этой влажной юбкой, за этим жарким днём таится бездна нежности. Ася глянула на старушку и вдруг заулыбалась ещё светлее.

И тогда старушка поняла, что желание, пожалуй, уже работает, остановилась, вся как-то засветилась тихим светом, преобразилась, заискрилась так счастливо и глупенько, словно ей только что предложили выйти замуж, а она абсолютно не была к этому готова.

Ася шла к вокзалу, а улица неожиданно расступилась, перестала казаться серой длинной линией и окружила девушку, чтобы подарить ей разные песни: «Красная стрела...», «Миллион, миллион алых роз...».

Глава 2

Железнодорожный вокзал был виден издалека: со старинными высокими окнами и невысокими переплётками, вытянутыми в длину. Через дорогу от него уныло громоздился Речной.

– Чего так долго? Я уже два раза очередь в кассу занимал.

Если кто думает, что стояние в очереди для отца являлось испытанием, так это неправда: отец обладал завидным терпением. Он мог бесконечно простаивать в любой очереди, словно это было для него спортом. Мать оставляла его в самом нескончаемом хвосте, а сама бежала вперёд, чтобы узнать, «что дают». Если товар был интересен, то отец оставался в толпе бабушек, женщин и пары таких же бедолаг, как он. Это чтобы никто не посмел вскричать: «Вас тут не было!» Отец усердно держался, зная, что воскресный бюджет быстро иссякнет, жена уgomонится и освободит его от повинности переминаясь с одной ноги на другую среди пересудов, трёпа и сплетен. Мать являлась с полными сумками, курсировала вдоль очереди и принимала решение уйти. Теряя очередного «стояльщика», очередь возбуждённо оживала, долго выясняла, кто за кем стоял, кто ушёл, кто влез без очереди.

Ещё отец мог часами ходить по тайге в поисках пятисантиметровых красноголовиков. Других не брал, не видел их

в принципе, потому что они приходились ему не по вкусу. Мать посмеивалась над такой причудой мужа и кропотливо тонким ножиком очищала жёсткие ножки, снимала с головок прилипшие хвойные иголки, жёлтые берёзовые листья. Заплутавших муравьёв выбрасывала в форточку, клопов давила пальцем. Затем надрезала ножку вдоль до самой шляпки, образуя четыре расхожих бруска. Варила на медленном огне, придирчиво по счёту добавляла соль – ни одной лишней крупинки, из расчета на каждый гриб по десять кристаллов. Такие засолки бережно хранились в летнем холодильнике под подоконником на кухне и выставлялись на стол для дорогих и важных гостей.

Очередь в железнодорожную кассу поражала своей разношёрстностью: тётки, дяди, дети. Разновозрастные, разнокалиберные, разнонациональные. Все толклись, суетились, шумели. Всем срочно надо! И именно на отходящий поезд до Москвы, а «выбросили» всего два билета. Очередь загудела, ульем окружила окошко кассы. Большая кассирша в белой блузке сидела пчеломаткой и созерцала свой народ. Наступил тот важный момент, ради которого она здесь работала: сейчас она будет решать судьбу бедолаги – в её власти определить, кому ехать, а кому ждать следующего состава, а это только в пять утра.

Кассирша сидела за стеклом и ни на какие уговоры, телеграммы и крики не откликалась. Одну руку она держала на

телефоне, второй поправляла белый бант, который не висел, а лежал на полочке её груди. Вся очередь уже ненавидела этот бант, он раздражал своей белизной, ухоженностью, достатком, а вокруг пихались, дрались, бились, ругались и снова пихались... словом, отлично ладили!

Отец попытался пристроиться в хвост очереди. Но сейчас хвост расслоился на множество отростков и всё время шевелился и передвигался по нескончаемой тайной траектории.

– Кто крайний, кто последний? – приставал отец к людям. От него отмахивались, отмалчивались.

Наконец отец благородно отказался от затеи найти «крайнего» и позвал Асю на речной вокзал.

– Чёрт с ними! Пусть московский пройдёт, потом спокойнее станет. Там, на речном, говорят, и народу мало, и буфет неплохой. Я бы чайку попил. После можно стоять хоть до Нового года.

Ася с отцом приладились к столику на высокой ножке, неторопливо доедали хлеб и запивали тёплым чаем из стеклянных стаканов.

– Уважаемые пассажиры, – объявила диктор, – ракета Пермь – Набережные Челны отправляется через пятнадцать минут.

– Пап, а поехали в Челны, – улыбнулась Ася отцу.

Отец с характерным хлюпающе-журчащим шумом допил чай, будто он был не остывшим, а огненно-пылающим, из самовара. Отец продолжал молчать, а кругом открывались

и вновь закрывались двери. От каждого хлопка Ася съёживалась, а отец крутил в руке стакан, словно удивлялся, почему он пуст. Пока он вернулся к буфету за вторым стаканом чая, за их столиком устроились две девушки в отчаянно коротких плиссированных юбках. Не сравнить, конечно, с Асиной. Сшила сама из ткани в мелкую клетку и, чтобы не злить родителей, ниже колена. Хорошо хоть под плащом не видать её старомодности и пятна.

Отец вернулся с чаем, немного потеснил девиц в сторону, невольно их прогнав. Короткие плиссированные юбки вспорхнули за соседний столик – к старичку. Тот довольно осклабился беззубой улыбкой и полностью погрузил кусок хлеба в стакан с мутной жижей. Девушки брезгливо от него отвернулись, а он достал размякший мякиш и бережно отправил его в рот. При этом он не переставал улыбаться, причмокивал, всасывал всё в горло. Челюсти его двигались: вверх-вниз, открыть-закрыть. То был виден белёсый гладкий язык, то нижняя губа доставала до кончика носа. Заметив брезгливый взгляд девиц, старик разошёлся и натянул нижнюю губу на нос. Девушки поперхнулись, тихо застонали, съёжились и отхлынули от его столика.

– Пошли, – вдруг сказал отец и, не дожидаясь дочери, заторопился к кассе и там суетно запыхтел в скважину окошка.

– До Набережных Челнов... билеты есть?

Кассирша внимательно уставилась на отца:

– Ракета уже отходит.

– Мы успеем. Один взрослый.

В сердце Аси плеснуло горячей волной. Почему один? Кто едет, а кто не едет?

Отец расплатился, схватил билет. Быстро спускались по лестнице, потом по трапу. Отец практически впихнул её в ракету. Матрос уже разматывал буксировочный канат, а вода бурлила по бортам, заставляя машину дрожать и покачиваться на волнах. Отец шёл следом, тянул руку с десяткой.

– Всем передавай привет. Скажи, мы с матерью следующим летом приедем в гости.

Отец ещё что-то говорил, но тут в полную силу взревел двигатель и заглушил слова отца резким звуком и сизым дымом.

Ася спустилась в салон, долго разбиралась с местом. Оказалось, что её место в носовой части заняла женщина с ребёнком. Грустная мама, грустный ребёнок с грустными мышинными косичками на голове, с грустным мишкой в руках. У мишки проплешины на лапах, перевёрнутое левое ухо, пришитое суровыми нитками, вязаная безрукавка с двумя разными пуговицами и такими же пуговичными глазами.

Пришлось с огорчением уступить. Панорамные виды, открывающиеся с её места, были подарком судьбы и искренне вызывали зависть. И вновь мытарства по салону с билетом от женщины с ребёнком. Вышла на открытую палубу кормовой части. Здесь хлестал ветер, поминутно обдавало пеной с острым запахом дизеля и едкого дыма. Матрос, добрая душа,

вызвался помочь Асе. Пока провожал её до места, непонятно почему похвалил её за предусмотрительный плащ, заодно провёл небольшой экскурс по теплоходу. Сыпал цифрами, техническими терминами: дизель, автономность плавания, мощность, скорость хода. Так и дошли до другого края теплохода, пока матрос вдруг не сообразил, что заболтался и надо возвращаться на корму.

Место оказалось аккурат под прилавком буфета. В начале дороги, при торможении на Асю сыпались пирожки с яблоками и капустой. Постепенно все пирожки распродались, и теперь на голову падали кексы и коржики. Сонная Ася ловила выпечку, возвращала буфетчице, та мило улыбалась и под конец угостила коржиком, который, минуя Асины колени, сразу упал на пол и скатился под пассажирское кресло. Ася с благодарностью приняла, на глазах других пассажиров демонстративно отряхнула – «смотрите, все элементы гигиены соблюдены» – и съела. А что? Десятку сохранила в целости, а на чай хватило мелочи со сдачи в аптеке.

Вдали, в бело-голубом просторе яркого дня теснились деревянные дома. Курчавые леса и кустарники сбегали с пологих берегов и нависали над водой. Высоко на горе серели полуразрушенные церкви, возвышались водонапорные башни из красного кирпича. У отвесных берегов купались ребяташки, на отмели неподвижно стояли коровы, а вода неслась дальше и тащила за собой случайные листья, ветки и блед-

но-серую речную пену.

Рядом с Асей от качки томилаь женщина. Несчастлиная, измученная рвотой, она грезила глотком свежего воздуха и бесконечно жаловалась на тесноту и духоту салона. «Неужели вы не чувствуете, как здесь воняет нефтью!» – восклицала она, с презрением наблюдая, как Ася с аппетитом поглощает коржик с чаем. Честно говоря, Ася о нефти что-то слышала, но конкретно не понимала, действительно ли их окружает этот запах. Хотя, наверное, должна была – ведь изучала же химию.

Плыть на теплоходе оказалось куда приятнее, чем ехать в общем вагоне поезда. Необозримая, захватывающая ширь за окном – Кама открывалась своей красотой и величием.

В Челны прибыли на закате. Ася увидела двухэтажное зелёное здание речного вокзала на дебаркадере, с палубными балконами по всему периметру, стойки перекрытий, перила с сетчатыми рамами, коричневую крышу из рифлёного железа... По берегу шла широкая улица, пыльная и унылая. Пока Ася сходила с трапа, заря потускнела, осветив неровные полосы суши, как у линиялых половиков.

Асе было душно, жарко, пыльно, ещё смутно на душе. Сорвалась в Челны, а у самой даже нет адреса ни одного родственника. Она с родителями уже была в Челнах, но это было зимой, три года назад. Вот куда теперь? Надо найти почту, позвонить родителям.

Прибывшие, гружённые чемоданами, баулами, авоськами, стружкой утекали по улице к каменным домам. Облокотившись на бампер оранжевой легковушки, стоял парень с сигаретой в зубах. Пытался увидеть в пассажирах выгодных клиентов. Взгляд, скользнув по Асе, не задержался, устремился вбок, остановился на сорокалетней паре с тремя чемоданами. Короткий разговор с тратой ласковых убеждающих слов, быстрое согласие – и вот он уже пытается впихнуть чужие чемоданы в свой багажник. Машина приседает на задние колёса и нервно дёргается с места.

Кто-то с воплем ринулся к Асе, обхватил, рванул к себе. Ася упёрлась в мягкую женскую грудь, попыталась отпрянуть, вырваться. Горло дрожало и выдавало:

– Что... вы? Кто вы?

– Ах ты мракобесинка! Не узнала? – женщина ткнулась губами в её щеку, шею, шумно протяжно вздохнула. – Я тебя всю помадой запачкала.

Пока пыталась стереть, расцарапала щеку ногтями с заусенцами. Ася отнекивалась, собирала в кучу поток суетных мыслей, проносящихся в голове, а тётка продолжала обнимать странно-толкающими объятиями и бесконечно тараторить, сбивая слова в жёсткий комок.

– Отец телеграмму отбил, просил встретить. Еле успела. – Увидев побледневшее лицо племянницы, тётка встряхнула её за плечи. – Ну чего ты? Как будто увидела мумию Клеопатры.

«Мумия Клеопатры» – это излюбленная шутка младшей сестры матери тёти Майи из Узбекистана.

– Тётя Мая? – неуверенно уточнила Ася.

– Ну конечно! – всплеснула руками тётка. – Не узнала?

Магдания – для взрослых, для малышни – тётя Мая. Больше похожая на узбечку, со своим национальным макияжем, сомкнутыми на переносице чёрными бровями, яркой помадой, высокой горой пышных волос на голове, золотыми зубами и перстнями.

– Есть, наверное, хочешь? – ласково улыбнулась она золотой улыбкой. – Я там в столовой котлет купила. Если Иринка не съела, вот тебе будут. У нас знаешь какая классная столовка в соседнем доме открылась, если берёшь навывнос – на двадцать процентов дешевле...

Совсем, совсем давно Асе помнилось, как она барахталась в течении быстрого арыка под тенью огромного дерева. Вода была прохладной, тёмной, и по ней плыли яблоки, помидоры, груши. Поплавками кружили косточки от вишни, шелуха от семечек, застревали в огромных листьях береговой травы. Следом бежала молодая женщина с ведром, тянулась, поскользнулась на илистых откосах арыка, хваталась за ветки, пыталась словить хоть что-нибудь.

– Балакаем, деточка, солнышко, – убирала мокрую прядь волос с глаз и призывно кричала женщина, – ну же! Это мои яблоки. Вот... из ведра... груши мои... помидоры мои... дай их сюда.

Ася шла по дну навстречу и не верила, что такие спелые и красивые фрукты существуют на самом деле. У них дома, откуда они только приехали, такие спелые груши и помидоры можно было увидеть разве что на картинках или во сне. Маме иногда удавалось купить помидоры. Хватали все, не глядя, подставляли сумки, авоськи, помидоры сыпались из тазика и бесконечно счастливости покупателя. Расплачивались, бежали домой. Сам факт, что не зря выстояла, купила, приводил в восторг. Потом начинался долгий процесс по удалению плесени, мятости, гнилости, затем к останкам помидоров добавлялся лук, подсолнечное масло – и вуаля! Салат готов! Налетайте, гости дорогие!

Тогда удалось собрать всё. Взамен Ася получила огромную грушу. Надкусила. На лицо, живот фонтаном брызнул сок. Как это? Столько аромата и вкуса в одном кусочке! Чуть позже познакомилась и с той молодой женщиной, которая оказалась её родной тётёй Маей.

– Ты молодец, что решилась переехать в Челны, – расплылась в блаженной улыбке тётка.

– Переехать? Я только в гости на выходные.

– Ах, оставь! – с милой откровенностью отмахнулась она. – Сейчас все хотят переехать в Челны. Вон дополнительные рейсы организуют.

Они прошли по набережной, завернули за угол дома и в потоке пыльного, душного, утомительного воздуха пошли прочь от пристани.

– Вот там будет дамба, – махала рукой тётка, – вот там завод... птицефабрика... Нижнекамск, Елабуга... аэропорт... а ты чего не на самолёте? На самолёте быстрее. Автомеханический техникум. Вот осенью поступишь в автомеханический. На кого хочешь учиться?

– Я в Пермь. В фармацевтический институт.

– Ах, брось! Зачем тебе? Поступишь в автомеханический, на бухгалтера. У тебя как с математикой? Не. На бухгалтера не надо, посадят ещё, нелёгкое это ремесло, там на всякие хитрости надо пускаться, где ревизора напоить, где ОБХСС пустить по ложному следу. Ты лучше давай на плановика. Никакой материальной ответственности и всегда при харчах. Плановик – это гораздо лучше. Вот я зря выучилась на товароведа. Товароведам квартиры не дают. Не положено. Сами, мол, себя обеспечивайте. Только заводчанам квартиры положены. Вот на завод устроишься, квартиру получишь, не сразу, конечно. Сперва в общежитии поживёшь, замуж выйдешь, там и жильё дадут. А в Перми что? В Перми тебе ничего не светит, люди по тридцать лет в очереди стоят. А тут уже через два-три года получают. Я, когда приехала в Челны, неделю спала на скамейке на пристани. Нас там много было. Каждый день состав менялся, кто-то находил работу, кто-то, разочаровавшись, отчаливал. Их места занимали вновь прибывшие. Пришлось устроиться дворником. Комнату сразу дали.

Бесконечная разговорчивость тётки немного утомляла и

особенно раздражало, что она не слушала ответы и не принимала доводы. Она говорила и говорила, обозначая и раскладывая дальнейшую судьбу Аси по полочкам.

Они шли по широкой улице, на светофорах переходили дорогу. Улицы Челнов кишели новенькими автомобилями, мчавшимися, кажется, сразу во все стороны. Ася восторженно смотрела на высокие панельные, кирпичные дома с бесчисленными ячейками окон, на широкие проспекты. Её поразило, как быстро на остановках собирались и вновь рассеивались толпы, будто текла свежая кровь по жилам молодого города.

Ася по возможности пыталась не отстать от тётки, идти точно по её следу, поворот за поворотом. Шли мимо шумных подъездов, танцующих и поющих компаний молодых людей, собравшихся вокруг стоявших на земле магнитол. Жизнь здесь плескалась, словно весёлые синие волны. Прошли всего сутки, как Ася выехала из Губахи, а создавалось ощущение, что прошло пятнадцать столетий. Всё переменялось. На месте старых домов выросли новые, барачное гнилое дерево сменилось на бетонную серость современного города с пылающими островками мозаичной мелкоплиточной облицовки. Всё переменялось. То, что было вчера важным, стало казаться неважным, то, что волновало, рассеялось туманом. Само море подростковой рассеянности как-то ушло, и появилось ощущение почвы. Вот же город, в котором, наверное, прекрасно жить. Вот же тётка, которая точно знает, что Асе тре-

буется и как надо действовать.

Зашли в подъезд, поднялись на четвёртый этаж, тётка принялась перебирать один за другим всевозможные виды ключей – от амбарно-трубчатых до плоско-серебристых с неправдоподобными загогулинами и рифлениями. Поймав Асин удивлённый взгляд, пояснила:

– Тут от дома только два, остальные ключи от магазина и склада.

Ключ найден. Тётка толкнула дверь и, широко разведя руки, пригласила:

– Заходи.

Ася боязливо взглянула налево, направо. В узком извилистом коридоре насчитала пять дверей, в щели третьей пробивается свет. Одна дверь открылась, в просвете появилась рука с горшком. Хозяин руки что-то продолжал говорить в комнату, а рисунок трёх васильков на боку горшка дрожал и пах мочой.

– Наша комната там, – тётя Мая показала на дверь напротив. – Шагай быстрее.

Первое, что она увидела в комнате, – три огромных ящика апельсинов.

Тётя Мая открыла холодильник.

– Прекрасно! Котлет нет. Ирин, – куда-то в темноту комнаты крикнула тетка, – котлеты ты съела?

На диване зашевелилось одеяло.

– Я сплю...

Тётка обернулась к Асе.

– Смотри, мне тебя угощать нечем. Только чай. – И она стала выставлять на стол хлеб в пакете, сливочное масло в упаковке, тарелки с колбасой, сыром, яйцами, помидорами и огурцами, зелёным луком. – Ешь.

Ася грустно глянула на апельсины. Почему ко всей роскоши чаепития их не предложили, не поставили на стол?

Тётка разглядывала банку со сгущёнкой:

– Вся высохла. Сейчас новую открою.

– Тётъ Май, – ломая взгляд об оранжевость фрукта, проблеяла Ася, – а можно... я схожу в ванную? – Она так и не решилась попросить апельсин.

– Полотенце дам. – Тётка открыла дверцу шкафа, переполненную различными банками. Этикетки шпрот, сгущёнки, тушёнки были знакомы и понятны, а вот все остальные Ася видела впервые: красные крабы, синие осьминоги, ещё какие-то заморские картинки неизвестных тварей. Тётка пошарила на полках, достала полотенце с огромной жар-птицей. – Возьми. Апельсины бери, бананы, яблоки – если хочешь, не стесняйся. У нас их никто не ест. Ирка для своих подружек держит – угощает.

Одеяло на диване откинулось, и показалось заспанная лохматая мордочка.

– Кто это?

– Ася Мурзина из Губахи.

– Ещё одна припёрлась? – мордочка равнодушно потухла.

Тело под одеялом заелозило, зашевелилось и, как сказочная избушка Бабы-яги, замерло ко всем задом.

– Ирка, не дури, это твоя двоюродная сестра, как Юля.

– Пусть идёт в баню.

– Иди, иди, – суетно опомнилась тётя Мая, сдёрнула с полки мыльницу.

Ася, счастливая от тёплой воды, вся покраснелась и оттаяла. Вода, конечно, поразительно отличалась от домашней. Если дома она была голубоватой, артезианской, то здесь – какой-то жёсткой, жёлтой, переполненной запахом канализации. Чувствовалось, как вместе с мылом и мочалкой тело шкрябает мелкий песок. Она стояла под струёй, впитывая каждой клеточкой удовольствие. Пока грелась, дверь в ванную неожиданно распахнулась и вошёл мужчина, злобно зыркнул на голую Асю. Она охнула, густо покраснела и, прижав вехотку к груди, присела в ванну.

– Ты чё, блин, на курорт приехала? – Мужчина шумно отделил себя от Аси синей занавеской. – Час плескаешься, всю ванну заполонила. Я для кого, блин, занавеску повесил? Зачем закрываться? У меня смена, мне на вахту. Да не ссы ты, я только побреюсь.

Из-за занавески под струёй из крана появился стакан, до краёв наполнился водой.

Онемевшая Ася всё ещё сидела на дне ванны, а голос за занавеской продолжал:

– Чья будешь?

Прижалась к стенке, не ответила. Его голос сохранял бесчувственность и апатию, словно видеть голых девиц в ванной каждую ночь было для него чем-то совершенно будничным и рутинным.

– Майская наверняка, это она весь свой узбекский табор сюда тянет...

Ася привсталала, тихонько потянулась за полотенцем...

– Разбросалась тут вся, прям как у себя дома... Х-р-р... – стал громко полоскать он горло, мешать мыло в стакане для бритья. – Ладно вот я зашёл, а если б дядя Миша...

Ася перепугалась, когда из-за занавески услужливо появилась волосатая рука с полотенцем.

Забрала, обмоталась.

– Если дядя Миша будет звать смотреть на бивень мамонта – не ходи.

В полотенце Ася осмелела. Со свойственной её возрасту опрометчивой торопливостью и гордостью заявила:

– Что я, бивней не видела!

– Чёрт! – выругался мужчина. – Порезался. Когда ж ты успела его увидеть?

Он стоял возле квадратного тусклого зеркала с намыленными щеками и задранном подбородком и лезвием примерялся к трудному месту на шее.

– В третьем классе, – Ася вылезла из ванны, потянулась за мокрой юбкой, которая висела на полотенцесушителе.

– Блин! – вновь выругался мужчина, зажал пальцем порез

и внимательно уставился на Асю.

– В краеведческом музее, – уточнила Ася, комкая остатки белья. – Мы ходили всем классом на экскурсию.

Мужчина громко заржал.

– Понятно. Шуганная, значит. Нецелованная поди?

Ася на «шуганную» обиделась и дерзко ответила:

– Рано мне ещё целоваться!

– Это почему? – мужчина уставился в зеркало на её отражение.

– Мама говорит, что от поцелуев дети рождаются.

Мужчина вздрогнул, потом схватился за шею.

– Слушай, уйди, а? А то я из-за тебя себе горло перережу.

– Зачем? – удивилась Ася.

Он матерно выругался, судорожно промокнул полотенцем недобритый подбородок, стал протискиваться между стеной и потрясённой Асей.

– Ты точно не из Узбекистана, – говорил он, судорожно тыча в неё пальцем. – Ты чума́ из чу́ма. Ты вообще из какой тундры вывалилась?

– У нас не тундра. У нас тайга, – похвасталась она. – Уральские горы. Про Урал слышали?

– Всё, всё! Хватит! – с трудом сдерживая хохот, взмолился мужчина, поднял руки. – Всё, всё, я сдаюсь. Я ж только побриться хотел! Соседи спят. Мне ещё целую ночь работать.

Ася зашла в комнату, привыкая к темноте, тихо постояла.

– Я тебе на раскладушке постелила, – сквозь сон проям-

лила тётя Мая. Сама она развалилась на расставленных по-
среди комнаты коробках с бананами, апельсинами и яблока-
ми. – Чё там за шум?

– Мужик какой-то в ванную ворвался.

Тётя Мая испуганно дёрнула головой:

– Предлагал посмотреть бивень мамонта?

– Нет.

– Значит, Федька заходил. Извини, забыла тебя предупре-
дить, чтобы ты дверь не закрывала. Опять завтра будет орать.
Ты его не бой... – И тут её слова провалились в храп.

Глава 3

Утром тётя Мая стащила со шкафа коричневый чемодан, в него сразу полетели вещи.

– Я на пару дней сгоняю в Узбекистан, – шептала тётка, стараясь не разбудить дочь, – так что извини, дальше сама. Или подожди, пока вернусь.

Она ходила по комнате, ворошила страницы книг, вытаскивала из них паспорт, сберкнижку, деньги.

– Деньги есть? – тётя Мая следила глазами за племянницей, как она заелозила на стуле, сжала кулачки. – Понятно. Вот тебе десятка.

Это богатство. Ася кинулась несмело отказываться.

– С первой получки отдашь.

Тётя Мая и вправду оказалось приятной особой – с круглым улыбчивым лицом, ласковым голосом и баюкающей речью. После завтрака она проводила Асю к брату Александру, который жил на БСИ (база строительной индустрии). «Поезжай, поезжай... – нежно бормотала она, разбивая яйца в сковороду. – ...Он же твой брат... вот пусть позаботится... найдёт приличное место...»

Ася расслабилась, размякла и позволила отправить себя в неведомое, непонятное БСИ.

– Выйдешь на К-700 и там на проходной спросишь Сашку Мурзина. – Тётя Мая написала на бумажке номер автобуса,

нарисовала схему и добавила: – Вот тут завод, вот тут проходная, по этой дорожке к общежитию.

Два часа Ася топталась на остановке в ожидании одиннадцатого маршрута, долго ехала через весь город, силясь не забыть название остановки, потом через узкое окошко умоляла водителя помочь сориентироваться. Он небрежно пожимал плечами и отнекивался, что такой остановки на маршруте нет.

– Это не остановка, а завод К-700, и ты его проехала, надь быть, на остановке «Общежитие» выдь, – строгим дикторским голосом подсказывала женщина, постоянно вынимая из линявшего синего халата тряпочку и вытирая слезящиеся глаза. – Обратнo, нать, на седьмой выдь, там через овраг, забор. Спроси у водителя «Общежитие», он знать. Можно пешком, минут пятнадцать от поворота.

Но по-настоящему в идиотское положение Ася попала, когда в сером здании общежития из силикатного кирпича нашла комнату брата, в которой тот проживал с женой Вале́й и двухлетним сыном Геро́й.

Ася Валею увидела на общей кухне. Валя скорбно трясла Геру на руках, одновременно с кем-то разговаривала и помещивала манную кашу в ковшике. Увидев Асю, крепко сжала губы в полоску отрицания и так мотнула Геру, что ребёнок заплакал.

– Не реви! – приказала Валя ребёнку, а Асе сквозь зубы

процедила: – Иди в комнату, по коридору, последняя дверь налево. Кашу доварю – приду.

Ася толкнула последнюю дверь налево и оказалась в кладовке без окна, доверху заваленной вещами, даже под толком чудесным образом висела детская коляска. Когда у тебя дома отдельная комната, то привыкаешь, что там место только кровати, столу, шкафу. Ася затворила дверь хламаблуды, открыла соседнюю. На синем коврикe сняла босоножки, сдёрнула штору с окна – было не так жарко и хотелось света. Налила холодного чая в стакан, плюхнулась на диван, включила телевизор. Впечатление, что ждали дорогих гостей: было убрано, почищено, под салфеткой на столе – тёплые котлеты с шоколадной корочкой.

Валя не торопится. Ася ждёт, смотрит в окно, закрывает шторы, съедает конфету, котлету, ещё котлету, нервничает, тихо ругает Валу. Наконец не выдерживает и засыпает на диване.

«Кажется, уснула!» Вскакивает, в панике оглядывается. Никого. Внутренне обмякает, предчувствуя нехорошее, тянется в коридор.

– Ты чего по чужим комнатам шастаешь? – вопль начинается в другом конце длинного коридора, приближается оранжевым пожаром. – Чего шалабудишь? Валька, твоя крысятничает?

Из кладовки показывается Валя с пустым ковшиком и пустым взглядом.

Мысли Аси переворачиваются, как камушки в калейдоскопе, и всё время выдают разный словесный узор: «Это не комната брата... обозналась... нет, никогда, ни за что... котлеты... запах уюта... чистота. Идиотка! Ведь не школьница уже, могла бы и допереть до разумного ответа...»

Знала ведь, что «госпожа» Валя будет недовольна появлением Аси. Валя молча прошла мимо, демонстрируя нежелание показывать родственную связь с потерянной гостьей. Ася видела зад, в трещинах пятки, стоптанные тапки. «Всё как всегда, ни шага к взаимопониманию». Валя, конечно, не понимала, как отвратительна в своём равнодушии и невнимании к близким родственникам. И конечно, меняться не собиралась. Впрочем, Асю это мало заботило, невелика птица. Но признаться, что она явилась в чужую комнату, натрескалась котлет, всё-таки противно. Представила, с каким восторгом Валя будет весь вечер грузить Александра рассказами о его тупой непутёвой сестричке.

Минут через десять Ася оказалась на остановке, умудрилась не заблудиться на территории заводской площадки с кучей металлолома, обречённо сплетённого в бесформенную глыбу перформанса. При ветре громада лома шевелилась, поминутно заваливалась в противоположные стороны и до обморочного перепуга орошала людей ржавым струпным дождём. Совсем уже загадочным образом Ася исхитрилась одолеть орду людей, штурмом бравших автобус. В тесноте пыталась нащупать поручень и не отпустить, даже если

оторвёт руку. Боялась, что толпа выдавит её обратно в этот далёкий край вселенной и бросит превращаться в ржавые отходы.

Ася была в растерзанном настроении; разумеется, до вечера в сотый раз успела задать себе вопросы, теперь ставшие обыкновенными и всегдашними: «Зачем я здесь, в этом городе?» и «Не пора ли домой?». Изредка она поглядывала на пассажиров, но никто не обращал на неё внимания. Кончилось тем, что рука онемела. Не чувствуя пальцев, Ася разозлилась и вышла, как только въехали в город, и поняла, что это судьба: выпуклые буквы «Трансагентство» громоздились вдоль парапета.

Уповаая на чудо, Ася толкнула дверь в пустой холл. Чуда не случилось. Билетов до Перми не было. Ни на самолёт, ни на ракету. На десять касс, на восемь кассирш, на пять пассажиров ни одного билета. Вдруг ни с того ни с сего в Асин разговор с кассиршей громко и без спросу вмешался человек, обмахивавшийся дырчатой белой шляпой.

– Что за тупая молодёжь! Давай быстрее. Очередь задерживаешь, – говорил, ехидно улыбаясь, словно радовался, что наделён правом грубить самым нахальным образом.

Ася, обернувшись, обмерила его взглядом с ног до головы и с удовольствием с ним поругалась. Говорила громко и отчётливо и постоянно перебивала, замечая, что мужик не похож на гусара в белом кителе с золотыми эполетами, да и о белом коне говорить не приходилось.

Дырчатая шляпа в руках мужчины замерла, а сам он отшатнулся и уставился на Асю испуганными глазами, словно она из кареты превратилась в тыкву.

Из очереди высунулась женщина с узелком волос на затылке.

– Утром надо приходить, часов в пять, вот тогда и купите. Хоть в Москву, хоть на Луну.

– Мне надо в Пермь.

– Если в Пермь, то очередь с вечера.

– А вы чего стоите? – буркнула Ася, ей уже было стыдно, что она сорвалась на мужике. Всё-таки надо научиться сдерживать эмоции.

– Так нам тут недалеко, – женщина подтолкнула мужчину. – Вам куда?

– До Мамадыша.

– Ой, и мне до Мамадыша, а вы там к кому? Я там всех знаю, – радостно затараторила женщина. И они разговорились, находя общих знакомых, разохались. Мужчина с женщиной был поразительно вежлив и культурен. Называл её «мадам» и даже предложил пройти вперёд. Узелок волос на голове женщины дрожал от восторга.

Ася отошла от кассы, мысленно извинилась перед мужиком. Надо бы вслух, но кишка была тонка. Ася сидела на скамейке автобусной остановки и раздумывала, куда тронуться: у тётки Май с Иринкой была, у брата тоже, а вот у тётки Ани с Юлей – нет. «Домой приеду, родители обязательно спросят,

как у них дела. Посижу у тётки Ани до вечера, потом рвану за билетами», – решила она.

От района «Посёлок ГЭС» до Нового города ходил автобус номер три, по вечерам переполненный сверх предела. Сдавленная чужими спинами и грудными клетками, Ася могла уже не держаться за поручни и чувствовала себя как повидло в пирожке – одна живая масса. Надо было только позволить толпе выдавить себя на нужной остановке.

Остановка «Трансагентство» была второй от начала маршрута, поэтому можно было выбрать удачное место и ехать сидя. Пока автобус тащился через весь город, Асе было на что посмотреть, о чём подумать. Вокруг были новостройки, широкие проспекты, низкорослые, как дети, ели, прутья недавно высаженных деревьев, высоченные краны в работе, новые КамАЗы, автобусы. Город ей очень нравился, а ещё больше нравились люди. Это были молодые компании, в них ощущалась жажда жизни, какой-то восторг от движения бытия. Прошло всего три дня, как она уехала из дома, и, хотя Ася тосковала по родителям, дому, тайге, ей хотелось остаться в этом кипучем молодом городе на семи ветрах. Признаться, внутри у Аси пылало жаром; наверное, она уже понимала, что из Челнов она так и не уедет; в её судьбе непременно произойдёт что-нибудь радикальное и окончательное.

Ехать было долго, мучительно. Стоял тяжёлый запах пота и машинного масла. Ася доехала до остановки Шамиля Усма-

нова. «Вроде был такой советский татарский писатель, драматург. А может, политический деятель?» – размышляла Ася, выходя из опустевшего уже автобуса. Она увидела громадную строительную площадку, запруженную машинами и людьми – все хаотично двигались, месили пыль, грязь, строительный мусор и пытались в этом месиве выполнить свою работу.

Нужный дом развернулся летящей лентой.

Площадка перед ним залита свежим бетоном, над ним – шаткий тротуар из досок. Под шагами он скрипит, прогибается, и надо разойтись с человеком, который бежит навстречу. Он торопится успеть на автобус, с остервенением отпихивается от людей, пробивается, огрызается. Поравняться с ним означает сыграть в игру «два барана на мосту». Ася сразу проиграла, не удержалась, одной ногой провалилась по щиколотку в свежий бетон.

Юля сочувственно качала головой, глядя на босоножки с налипшими серыми комьями. Потом радостно обняла, протянула халат и велела раздеваться.

– Зачем? – удивилась Ася.

– Стирать буду.

Ася растерялась.

– Я сама.

– Давай, давай, я как раз стирку затеяла, заодно и твоё сполосну.

Ася отнекивалась, стеснялась показать, что рада предложению. Стало по-домашнему уютно; особенно сидеть за столом, пить чай, мазать хлеб маслом, сильно окунать в сахарный песок, не для баловства, а чтобы к маслу прилипло больше сахара.

Из магазина вернулась тётя Аня. Улыбалась в прихожей, держала на весу авоську с молоком в треуголках, хлебом, пакетами с шоколадными пряниками. Сначала разговор не клеился. Ася на вопросы о родителях отвечала коротко и скудно. Только на один: «Когда приедут?» – дала чёткий ответ: «Отец сказал, на следующее лето». Мысль, что Ася совсем не знает своих родителей, сбивала с толку. Ощущение было чрезвычайно неприятное. Отец работал водителем, мать в кафе. Отец крутил баранку, мать стряпала. Неужели нельзя без этих допросов?

Чуть позже приехал брат Александр, о Вале не сказал ни слова, избегал говорить с Асей на эту тему. После женитьбы его манера вести себя с сестрой изменилась. При встречах появилась небрежность и даже презрительность. Чувствовалось влияние жены, её талант не скрывать отвращения. С появлением нового человека в семье установились странные отношения, непонятные для Аси. Родители, безумно любящие сына, в угоду ему позволяли Вале выражать своё надменное и гордое высокомерие. Её стараниями всё хорошее сверхъестественно переворачивалось в плохое и обрушивалось на головы мамы и отца. Ей было наплевать, что они

при этом чувствуют. Но это пренебрежение касалось только их. По отношению к Александру Валя проявляла женскую страсть, утончённость, учитывала его пристрастия и прихоти и при этом никогда не была откровенна.

Семейная жизнь, конечно, на взгляд Аси, штука непонятная. Вот наблюдаешь за родителями: оба ссутуленные, позеленевшие от работы, словно присыпанные горчицей. После Вали на пару без слов остограмятся валидольчиком – и вот... вновь идиллия! Послушаешь, так на словах всё вроде шито-крыто, мать отцу булочки печёт, отец ей сапоги от грязи отмывает. На их фоне семейная жизнь брата казалась паршивой, орали на всю квартиру: она ему жизнь испортила, он ей судьбу сломал. После такого диалога девичий мозг сопротивлялся замужеству.

Интересная штука. Когда в классе на переменах поднималась тема замужества, среди девчонок начинался галдёж. Замуж?! За человека, который со временем превратится в рухлядь? Ха! Я-то не превращусь. Говорят, на Западе изобрели волшебные кремы. Чёрточку по коже проведёшь – и все блага косметологической цивилизации на лице. Что? Да... Видела. Да мне абсолютно всё равно, что ты мне не веришь. Я вчера у подружки моей сестры импортный шарфик мерила, так его розовый цвет отразился на лице. Мэрилин Монро! Когда буду выходить замуж, мужу скажу, что хочу носить, где жить и на чём ездить. Фамилию оставляю свою или сделаю двойную, его-мою или наоборот, сначала мою, а через

тире его.

Девчонок эти темы забавляли, а Ася в этот момент себя презирала, ни о чём таком не размышляла, не смела. О замужестве думала как о далёком и непонятном будущем. Просто училась с теми девчонками с первого класса, знала как облупленных, знала, что врут чужими словами, и всё это до чёртиков надоедало. Это как в большой семье – любовь любовью, а скандалы по расписанию.

– Валя чай приготовила, сказала, что ты психанула, наорала и сорвалась, – сказал брат, а у самого лицо странное, будто осторожно трогает опасную тему. Как повязку снимает со свежей раны.

«Бога ради, замолчи! Честное слово!»

И обязательно в этот момент находилось мудрое слово родственницы, попавшей под обаяние племянника.

– Сразу видать – отцовский сын, – благосклонно замечала тётя Аня.

Ася не поняла, зачем это сказано.

Александр кивал, опасная тема пройдена. Полдела сделано, гнев жены передан, теперь надо проявить участие в судьбе сестрёнки.

– И ты папина дочка, – улыбалась тётка Асе, с материнской лаской вороша её пушистые волосы.

– Вылитая, – убеждённо подхватывал Александр. В сердце Аси маленькой точкой вспыхивала тонкая, сладкая

грусть.

Когда нужные слова сказаны и брат наконец спокоен, накормлен и припудрен лаской, он начинает говорить бесцветным, ровным голосом, что у него есть друг – они вместе ходили на рыбалку – и он по великому благу возьмёт Асю в свой цех, где работает начальником... «Водителем погрузчика?.. Но я не умею!..» – «Там трёхмесячные курсы... помогут... если не получится, устрою на конвейер... Согласна?»

Цех! Завод! Конвейер! – с этими словами возникали иллюзии взрослости.

Как можно предлагать завод? Она же собиралась в фармацевтический институт. Студенческий билет, белый халат, шкафы с таблетками...

Ася сидела за столом и вяло выкладывала из печенья египетскую пирамидку.

– Получишь квартиру. Вот тётя Аня за два года получила, – продолжал брат. – Приехала, шесть месяцев работала дворником.

Мощный довод. Родители обзавелись благоустроенными метрами, когда отцу было больше пятидесяти и он тридцать лет ходил в профком с бутылкой конька и уточнял, когда будет распределение. До этого они жили в бараке с длинным коридором, с каменной печью на общей кухне и туалетом на ветру. Отец приходил вечером с работы, и, пока разжигал холодную печь углём, все конфорки моментально заполнялись соседскими кастрюльками. После растопки, к неудо-

вольствию соседей, приходилось расчищать место для собственной сковородки. До барака родители снимали угол в доме на горе. Хозяйка, древняя бабка, плату брала водой и углём. Мать с ужасом вспоминала: «Пока ведро угля допрёшь до верхотуры – десять раз родишь!» Так два раза беременность и сбросила. Брата выносила, родила семимесячным – кило шестьсот. Думала, не выдюжит. Ничего, оклемался.

Бабка его в голенище валенка сунула, на печку положила, только голова торчала да рот открывался, полгода козым молоком отпаивала, пока вес не набрал и в норму не пришёл. У матери то ли от работы на военном заводе, то ли от голода, то ли от тяжёлой работы грудь совсем сухая была, две капли молока, да и то вперемешку со слезами. Когда Ася родилась, родители самовольно заняли свободную комнату в бараке. Скандал был грандиозный, но отец отвоевал семейное пространство. Говорят, стоял в дверях с ножом. Этому Ася не верила, не могла представить тихого отца в такой ситуации.

В тот вечер до изнеможения пили чай, и весь водопровод работал на них. После чая придумали жарить рыбу, которую занёс сосед. В газету были завёрнуты два чёрных, с огромными головами ротана. Асе давно уже хотелось спать, она устала от насыщенного дня. Когда на сковороде зашипело масло и квартиру наполнил аромат жареной рыбы, Ася взяла себя в руки, но едва рыба была разложена по тарелкам, как Ася уже дрыхла за столом, откинув голову на спинку дивана и от-

крыв рот. Её разбудили. Она скользнула по всем невидящим взглядом, прикрыла глаза, но в следующую секунду память вдруг огрела её раскатом грома, напомнив, что она в гостях.

Позолоченные жаркой куски рыбы аппетитно лежали на тарелке с розовыми васильками на ободке. Ася чуть не заревела в голос. Дома были такие же тарелки с розовыми васильками. Вся страна была завалена розовыми васильками. От перемены места жительства тарелки не менялись.

Ася уставилась в телевизор. Шла передача на татарском языке. О чём говорили, было непонятно. Ася думала о своём. Остаться в Челнах – вроде как официально признать, что в фармацевтический институт не поступает. Тогда куда? На завод? Всю жизнь ходить в спецовке, пропадать за проходной? И каждый новый день, каждое новое событие будет всё больше и больше разделять её с родителями.

– Ась... – Ася вздрогнула, посмотрела на брата. – Может, вернёшься? Здесь одной сложно будет. На меня особо не рассчитывай. У меня жена, сын. И ради тебя я с ними ссориться не буду.

Ася знала, что будет тяжело, и всё же не так. Хотя это уже можно было почувствовать, когда она шла по тусклому коридору общежития К-700, задыхалась от незнакомых запахов, обходила развешанные по стенам велосипеды, мышинные ловушки. Бряканье кастрюльных крышек, людской гул на общей кухне не добавляли энтузиазма. На одной из дверей висело объявление: «Соседи, будете орать после одиннадцати –

лично всем поотрываю бошки (для наглядности нарисована виселица с грустной оторванной головой). НЕ ШУЧУ».

С трудом верилось, что её отталкивает брат. В детстве вместе искали конфеты, которые мать старательно прятала, вместе на древнем патефоне слушали пластинку со сказками. На слове «я прилетел...» пластинку заедало, и надо было тронуть пальчиком, чтобы плаксивый голос рассказчика потёк дальше под их хрустальный смех. Они сидели рядышком и погружались в волшебный мир Шахерезады, гадких лебедей, арабских джиннов.

Снова и снова Ася думала: «Что делать?» – и сотый раз не находила ответа.

На следующий день Ася проснулась от запаха оладушек. В комнату заглянула тётя Аня и объявила, что все уже ушли (и она тоже уходит), ключи на полке. Напомнила: «Перед уходом проверь воду».

Ася тянула покрывало на подбородок и не знала, что сказать.

– Скоро придёт Александр, – продолжала тётка. – Не томи его. Тебе это не на пользу.

Завод оказался огромным зданием, без конца и края, словно город в городе. Тянулись длинные гулкие коридоры с бесконечными дверями. По дрожащей металлической лестнице с рисунком ромбов стали подниматься под крышу завода.

– Кажется, здесь, – сказал Александр, глядя наверх, на лабиринт стеклянных будок, нависших над цехом: рифлёный металл, тёмные, закопчённые стёкла, в слабом свете – всполохи тусклых глаз, попытки улыбок. Наполовину стеклянные перегородки разделили площадку на узкие соты, оставив ломаные дорожки, по которым надо было протискиваться. Везде одинаково строгая обстановка: стол, стул, стол, стул, максимально кучно, насколько позволяло пространство. Стены были выкрашены густой светло-серой краской, напоминавшей крем ромовой бабы.

В дальнем конце стены дребезжащая стеклянная дверь при каждом движении звенела хрусталём. Здесь было по-другому: в новом зеркале отражались плакаты и вымпелы, между ними стояла вешалка с болтами вместо крючков, на коричневом столе звонко тарабанила пишущая машинка, охотно отзываясь на удары проворных пальцев секретарши.

Александр оглянулся на Асю: «Ты готова?»

Ася послушно поплелась за братом в кабинет начальника цеха.

Усталый грустный человек посмотрел поверх очков на Александра, на Асю, холодно задал пару вопросов и подписал заявление. Кажется, так и не вспомнил, кто такой Александр и где они виделись. Александр по-шпионски подмигивал, намекал, направлял мысль начальника в нужное русло, но так и не получилось. Может, если бы у него было время, он обязательно вспомнил бы какой-нибудь приметный

факт в виде рыбины, ускользнувшей с крючка, но тут кабинет начальника цеха стал быстро наполняться говорливыми людьми. Чтобы ненароком не зашибли и не затоптали, пришлось торопливо выметаться.

Глава 4

Спустя неделю заведующая общежитием завела Асю в двухкомнатную квартиру и показала на пустую кровать около дверей в проходной комнате.

В первую секунду Ася оцепенела, заметила длинное свадебное платье, прицепленное крючком к люстре. На подоле были нашиты крошечные белые цветы, россыпь страз. Казалось, платье мило улыбалось и привлекало белой фатой, которая стекала плетёной косой с правого плеча.

– Чьё? – улыбнулась заведующая общежитием.

– Верки Гордовой, – ответили.

– Из Кузни?

– Ага.

– Красивое! – заведующая осторожно тронула платье.

– Сама сшила.

Заведующая ушла, а остальные люди остались. Они шлёпали дверями, молча проходили мимо кровати Аси, разговаривали, переодевались, шли на кухню пить чай. Иногда приходили парни, уходили с подругами, остальные девушки стучали дверцами тумбочек, намазывали лицо, руки кремами, пилили ногти, перед зеркалом давили прыщи на лице, кутались в одеяла, уходили в ванную с полотенцем, зубной щёткой, возвращались, ложились спать, наполовину проваливаясь в панцирную сетку кровати. Никто не обращал на Асю

внимания. Она являлась для них пустотой.

Вышла на кухню, чтобы попить, потянулась за стаканом на полке над раковиной.

– Это мой стакан, – сразу откликнулась одна из девиц.

Пришлось пить из открытой ладони, да так неудачно, что подавилась, облилась. За спиной противно захихикали.

– Вот интересно, о чём она думает? – голос визгливый, вперемешку со ржавым скрипом.

Обернулась на голос. На вид вроде милovidные девушки. У одной иссиня-чёрные глаза, длинные ресницы, обручальное кольцо, у второй – завитая чёлка, узкие губы, у третьей – льняные длинные волосы, само-вязаная лента вдоль лба. Все трое в узких ситцевых халатах, у одной в разрезе хвастливо выдан бюст, у второй виден треугольник голубых трусов, третья – застёгнута на все шпингалеты. Та, что с иссиня-чёрными глазами, облизывала пустую чайную ложку и, не скрывая чудовищного раздражения, брезгливо рассматривала Асю.

Завитая чёлка отделилась от стола, с грохотом поставила чайник на плиту и стала проводить Асе инструктаж:

– Люба. Я старшая по квартире. График дежурств, – ткнула пальцем в разлинованный тетрадный лист на стене. – Полноем каждый день, ванну, туалет – через день. В субботу дежурство принимаем, в субботу дежурство сдаём. Мужиков спать не приводим. У тебя какой график?

– Два через два.

– Хорошо. У нас трое в первую смену, трое во вторую. Очень удобно. Купи свою посуду. Пошли, покажу твою полку в шифоньере. Тумбы пока у тебя не будет. Пока кто-нибудь не съедет. Вот Маринка комнату получила, когда съедет, займёшь её. Бельё сушить на балконе.

Вышли на балкон. Здесь пахло хлебом, вечерней свежестью и совсем немного сырой картошкой. Вдали – во всей широте – виднелась Кама. Ещё час-другой – и наступит ночь. Ночь на Челны надвигается стремительно и внезапно: только что горизонт переливался щедрыми закатными пластами, а через секунду уже всё окутано спокойной дремотой, и луна, матовая рядом с блеском звёзд.

Ася, накрывшись с головой одеялом, глотала слёзы, намереваясь завтра же уехать домой. Изводила себя бесконечными упрёками, бранила себя за тупость, из-за которой поддалась на эту авантюру. Вспоминала длинные коридоры школы, комнату с видом на вершину Крестовой горы. Здесь заканчивался Рудянский спой. Каждые выходные с одноклассниками карабкались на слоистые скальные выходы с останцами ожелезнённых песчаников, орали, бесились, щекотали небо. Ася дружила с этими горными великанами, которые были видны из окна её комнаты. Каждый великан имел особенное лицо и характер. Она злилась, что раньше этого не ценила. За последние недели из папиной красавицы Ася превратилась в пасмурное и горестное существо, которому нуж-

но было привыкать к новым реалиям.

Пока устраивалась на завод, печальные мысли улетучивались. С завидным упорством ходила по многочисленным кабинетам административно-бытового комплекса и подписывала лист с бесконечным количеством строчек. Услышав, что претендентке ещё нет восемнадцати, Асю тут же отправляли за дополнительными подписями: то в заводской комитет комсомола, то в профтехучилище. Там с неохотой подписывали.

За высокой стойкой отдела кадров сидела женщина и поверх очков смотрела на Асю.

– В какой цех?

– ТСО.

Услышав это, женщина сразу подобрела.

– Как расшифровывается, знаешь?

Ася пожалала плечами.

– Цех транспортно-складских операций. Вера, забери. Твоя.

Из-за стола в углу поднялась полноватая низкорослая женщина и стала продвигаться к стойке, обошла четыре стола, заваленных бумагами, десяток шкафов, стульев, шесть стеллажей с деревянными серыми ящиками, заполненными «личными делами» сотрудников завода. Темноволосые, сутулые, глиноподобные женщины, вдоль которых протискивалась и шоркалась Вера, кряхтели, хмурились и молча терпели неудобства тесного пространства.

Изучив документы, Вера посчитала:

– Так. Восемнадцать исполняется в октябре, водительские курсы заканчиваются в ноябре. Жди здесь. – Вера перешагнула порог перегородки и пропала в длинном коридоре.

Несколько раз заходили мужчины. Им задавали дополнительные вопросы: «Переводом?.. Комсомольская путёвка?.. Садик есть?.. Начальник цеха согласен?.. У тебя тридцать третья?.. Без военкомата не подпишу...» Иногда быстро подписывали и с миром отпускали, а иногда добавляли новые строки для подписи и отправляли со скандалом в «список загадочных слов».

Приходившие теснили Асю в угол, а она жалась, как овца в загоне, и не понимала чужого языка: вроде и говорили на русском, но всё так непонятно: АБК, ТСО, СГД, гальваника, додача, аванс, кузня, бегунок...

Многие говорили с акцентом: «шо, пощему, понимаэш, анладымне...» – и носили другую одежду, но это не имело никакого значения – в конце концов, небо везде одинаковое и ветер дует всюду. Ася впервые ощутила приближение катастрофы. Вчера было детство, учителя, котлеты матери, а сейчас всё это исчезало – безмолвно и навсегда, словно растворялось с жарком мареве челнинского степного солнца. Созревание плода в родительской семейной утробе закончилось, пришло время выходить в жизнь. Бережно укутанное младенческое одеяло расправилось и явило миру создание, которое точно знало, что дети появляются от поцелуев.

Вера вернулась, позвала Асю за собой. Прошли по коридору, мимо секретарши, без стука зашли в кабинет. Секретарша вскочила, успела перегородить перепуганной Асе путь. Вера вернулась, успокоила жестом руки, подтолкнула Асю в кабинет.

В кабинете пахло практически так же, как в цехах: мазутом, маслом, смазочно-охлаждающей жидкостью. Человек за столом выпрямился, раскрыл Асин аттестат, по-мужски грубо ткнул пальцем в буквы.

– Зачем тебе с таким аттестатом в погрузчики?

Асе даже в голову не пришло возразить этому человеку: было в его сосредоточенном взгляде и выражении лица такое, что заставляло усомниться в правильности своего поступка.

– Эх, девки, что вы со мной делаете? – человек шумно выпил из графина, утёрся рукавом и стремительно подписал бумагу.

Вспоминая мытарства трудоустройства, Ася долго пыталась уснуть, прилагала почти героические усилия, жмурила глаза, вертелась, переворачивалась, босиком бегала на кухню пить, вспоминала стихи Пушкина – обычно это усыпляло.

Разбудил заискивающий тон:

– Ну и кто тут у нас спит до обеда?

Ася натянула одеяло на голову, точно воскликнула: «Пойдите вон! Не трогайте меня! Отвяньте!» В горле – комок

недоумения и озадаченности.

– Подруга, – всё тот же тёплый голос, – пора вставать. Скоро будут гости.

Ася долго думала над словом «будут»: по её ощущениям, гости никуда и не уходили.

Отбросила одеяло, выворачивая локти, стала путаться в халате.

Кто-то уже заправлял её постель, кто-то подталкивал к ванной. Оттуда уже выходила невеста при всём праздничном параде: на барашке волос – фата, белое атласное платье отливало холодным металлом на ладной хрупкой фигуре. Как метла дворника, в ведре стояли высоченные бархатные гладиолусы.

Ася морщила лоб, чистила зубы, а в ванную заходили, меняли полотенца, торопили, приносили шёлковое розовое платье, предлагая вечером надеть на свадьбу. То, во что Ася вляпалась, было карнавалом в чистом виде.

«Люди! Кто вы?» – смотрела Ася в зеркало и не понимала, как реагировать. Девушка с туманно-веснушчатými щеками выглядывала из-за спины. Ася обернулась, словно ожидая, что в полумраке ванной комнаты она являлась каким-то чрезмерным воображаемым отражением.

– Заря.

«В смысле?» – оstonбенела Ася.

– Меня зовут Заря, – уточнила девушка и звонко расхохоталась.

Они стояли друг против друга, хмурая Ася и улыбчивая Заря. Заря высматривала болячку на локте, усиленно глядя, словно пыталась пальцами вдавить обратно под кожу.

– Вот угораздило вчера цапануться о станок. Прямо на самом видном месте. Вечером на свадьбу, – и вдруг вспоминает: – Ты примерь платье, оно моё.

– Зачем?

И как бы Ася ни отказывалась, ей настойчиво объясняли и втолковывали, что если в комнате невеста, то по традиции она обязана пригласить девчонок на свадьбу. И никто не имел права отказываться. Это не комнатная прихоть, скорее, общежитская одержимость. Вышла замуж – помоги другой. Свадьба, как ещё один источник для знакомств, словно наделена наследственной особенностью – органичным воспроизводством семейных пар. Попав в общежитие, ты моментально вовлекаешься в бешеный водоворот свадебного праздника. Глядишь – то тут, то там в хмельном пробеге мелькнёт новое лицо, на мгновение разомкнётся круг, принимая человека в хоровод, и... вот уже мчится под воздушными шариками городского кафе или деревенского шатра новоявленная пара, собранная из двух влюблённых – сварщика из Кузни и намотчицы из «движков». А кругом частушки на многострастных языках, но с одним фаллософическим сюжетом «как гайка нашла свой болт». Все красивые, вместо спецовки – лучшие платья и босоножки, хорошо, если собственные, но и подружкины сгодятся.

Пока Ася придумывала, как отказаться от такой традиции, Заря выставляла на стол чашки, тарелки с сухой конской колбасой, нарезанной прозрачными пластинами, жирной домашней сметаной, яйцами. В середину стола царственно легла сковорода с дымящейся жареной картошкой.

– Ты как к свинине относишься?

Ася пожала плечами. Никак не относится, ни по родству, ни по чистоплотности.

Двигалась Заря с поразительной быстротой, жесты были лёгкими, внезапными, она походила на долговязую птицу, которая при опасности готова стартовать в первую секунду. Она сидела на стуле, подобрала под себя стопы, будто оберегала их от укуса гадины. Одна коленка свисала, вторая торчала вверх и служила подпоркой подбородку Зари. Вместо халата – длинная мужская рубашка в голубую полоску, нижняя пуговица не застёгнута, так что, кроме трусиков, виден пупок на плоском животе. Одного её смеха достаточно, чтобы понять всю её открытость и доброжелательность.

Заря шарилась в банке с ложками и вилками, пытаясь отыскать две одинаковые. Не нашлось. Асе попалась вилка с кривым четвёртым зубом. У Зари вилка с кривым первым. Ася задержала дыхание, чтобы не разрыдаться от щедрости Зари.

– Спасибо. У меня есть кефир и булочка, – в глубокой признательности прижала вилку к груди Ася.

– Потом съешь. Сейчас давай, налегай, чтобы до свадьбы

хватило. Ты в какой цех?

– ТСО, – сосредоточившись, Ася тягуче расшифровала: – Цех транспортно-складских операций.

– Кем?! – вилка с картошкой застыла на полдороге.

– Водителем.

– Ты-ы водителем?

Заря, словно оскорбившись, перестала есть. Опёршись спиной о стену, положила перед собой вилку и, разглядывая Асю прямым, немигающим взглядом, сказала:

– Не знала, что туда можно устроиться, – покачала головой и строгим голосом добавила: – Завтра же переведусь.

Ася удивилась. Уже знала, что устроиться водителем на погрузчик – не такая уж сложная проблема, хотя со стороны выглядело, будто её туда устроили по великому благу...

Пока закипал чайник, в кухню завалились гости. Хаотично двигались и громко разговаривали, скользили по Асе прохладными взглядами, будто бы не замечали. Гость в тёмно-синем костюме, со стрижкой-ёжиком, краснея от натуги, надувал шарик и бесцеремонно пялился на Зарю. Когда шар образовался, протянул Заре катушку ниток. Она завязывала и смеялась в голос: подняла такой шум, что стало понятно – пытается произвести на него впечатление.

То и дело – под хруст разбросанных по кухне газет – появлялась невеста, говорила, спрашивала, уносилась, и глаза её были пропитаны то бесформенной тревогой, то бездонным золотисто-голубым счастьем. Создавалось ощущение,

что она сама не понимает, где находится – во сне или наяву. И не знает, что делать – заснуть или проснуться, остановиться или бежать, хотя точно знает, что всё равно уже ничего не успеет и не изменит.

– Пошли отсюда, – заметив скованность Аси, потянула за руку Заря. – Эта лихорадка надолго. Сейчас невесту будут выкупать.

– Ты разве не пойдёшь?

– Не-а, надоело, – ответила не слишком убедительно. – Не могу же я так. Надо переодеться, накраситься, а в комнату не ступить. Да и поздно. Жених уже пришёл.

Стоило это произнести, как дверь открылась и будто зажёгся свет. Прихожая, кухня, комната начали стремительно наполняться счастливыми распаренными лицами – светлее и светлее с каждой секундой. Народ гудел, как караван перелётных птиц в небе. Хрупкая мордочка жениха ярко заострилась на фоне переживаний и растерянности. По мутному взгляду было понятно, что не выспался. Да и спал ли вообще?!

– Давай сюда... здесь тише... наш товар – ваш купец, чё такой хмурной... позолоти ручку, – легко звучали безбашенные голоса друзей, гостей, подруг.

Жених при виде невесты оцепенел от счастья: она – его, до самой крошечной клеточки, до россыпи веснушек. Невеста скромно улыбалась, тупила глазки, но всё видела. Вспотевшие кудри забавно липли ко лбу, уголки губ сжаты, что-

бы не выдать страсть и восторг от происходящего. Вся комната была переполнена той силой, которая нарушает законы природы, заставляет жить инаковостью, вопреки – соединяя удивление, счастье и отчаяние в немислимый коктейль...

Ася с Зарей совсем немного не успели дойти до кинотеатра, как хлынул ливень: потоки воды трепали макушки деревьев, косо хлестали по домам, дорогам, тротуарам. Люди бежали, прятались под деревьями, под козырьками остановок. Ветер рвал зонты, газеты, портфели, которыми люди пытались закрыться.

Заря взлетела по ступеням вверх к портику кинотеатра «Батыр» и там стала выглядывать Асю, которая бежала вдоль дороги и пыталась догнать босоножку. Оторванный ремешок тащился следом, отчего босоножка напоминала мелкую болонку на поводке. Догнать обувку оказалось сложно, навстречу к кинотеатру бежали люди, так что Асе приходилось лавировать в толпе, поворачивать налево, направо, отступить, дожидаться. Огромные мрачные тучи наступали, порыв ветра возникал в самых неожиданных местах и обрушивал на людей дождь с какой-то зловещей силой, что приводило их в отчаяние и трепет.

Удивительно, но получилось купить билеты. Когда толкнули стеклянную дверь в фойе кинотеатра, из затухающего ливня они попали в бетонную тишину, оклеенную афишами:

обманные томные взгляды киноактрис, дама с болонкой на фоне чёрного моря, величественно восседавшая на коне фигура короля в мехах и драгоценностях...

Фильм оказался неинтересным и тягомотным до уныния. Время шло, Ася ждала, что вот-вот наступит развязка, все друг друга полюбят или, наоборот, поубивают. На экране происходило нечто настолько непонятное, что Ася дёргала плечами, сдерживала желание заскулить. Вокруг смеялись, вдохновлялись диалогами героев, а Ася тупила и переживала, что не посмотрела даже, как называется фильм.

– Заря, – позвала тихо в темноту, – что за фильм?

– Без понятия.

Со всех сторон завертелись головы. Сзади зашипели, зашикали странные невыразительные голоса.

Не хватило духа уточнить. Какая, в принципе, разница?

Мокрая ткань платья из искусственного шёлка холодила кожу и помогала основательно замёрзнуть, по ногам сквозило, сиденья казались неудобными и вонючими. Ася шевелила пальцами ног, совала руки в карманы, чтобы согреться. Через какое-то время, поняв, что окончательно окоченела, попыталась выйти из зала. Заря удержала за подол.

– Куда? Скоро кончится.

Ася с трудом дождалась конца фильма и поскорее вылетела из зала.

– Нудятина, – Заря обернулась к Асе через плечо. – Поэтому и билеты были. Сколько времени? Надо ещё переодеться.

– Заря, можно я не пойду? Я там никого не знаю.

– Вот и познакомишься, – Заря толкнула дверь с табличкой «Выход» у Аси за спиной. – Тебе понравился фильм?

– Неправда всё. Не люблю. Целовались, целовались, и на тебе – «Милый, я беременна!». Как будто не знала, что от поцелуев беременеют!

Ася заметила, как Заря посмотрела на неё поражённо, её веснушки постепенно стали увеличиваться до багровых овалов на щеках, ноздри раздулись и на переносице появилась глубокая складка. Вдруг Ася увидела перед собой совершенно незнакомого человека. Из светло-голубой, яркой звёздочки Заря превратилась в диковатого, с потухшим взглядом кролика перед ядовитой коброй.

– Заря! – позвала Ася.

– Ты шутишь? – спросила она, опомнившись. – Реально думаешь, что дети появляются от поцелуев?

Чтобы собраться с духом, Ася вдохнула-выдохнула и с лихорадочным волнением в груди выпалила:

– Нет, конечно! Я пошутила.

Время приближалось к пяти вечера, и в комнате общежития царил бардак, стол был сдвинут к балконным дверям, все стулья были унесены, повсюду лениво покачивались уставшие, обмякшие воздушные шары, под кроватями валялось несколько жёлтых монеток, растоптанный чак-чак. Ася приготовилась укутаться в одеяло, и тут неожиданно появились

двое. Заря им жутко обрадовалась.

– Это Гера, это Володя. Гера твой, Володя мой.

Судя по тому, как Гера суксился при виде Аси, жавшейся под одеялом, Заря решение тут же поменяла.

– Володя твой, Гера мой, – исправилась она.

Ася густо покраснела. Не потому, что не понравился Володя, а от самой патовой ситуации.

Володя держался нагло, двигался по-спортивному крепко и твёрдо.

– Как зовут? – присел Володя на край Асиной кровати.

– Ася её зовут, – моментально отреагировала Заря. – Я вам там на кухне чай приготовила, а мы здесь переоденемся.

Платье, которое Заря заставила Асю надеть, было голубым, с густыми розовыми цветами, с тонким поясом, подчёркивающим талию. От ткани несло нафталином, холодной сыростью. Ася не привыкла к чужим вещам. Иногда надевала мамину кофту или блузку, и то дома, пока никто не видел. Дома у неё осталось такое же платье с крылышками, мама купила в прошлом году на день рождения, правда, за зиму оно стало коротковатым, но сейчас бы сгодилось, если бы Ася так стремительно не сорвалась и не рванула в Челны. Сарафан и ночнушку на время дала Юля, пока своё не привезёт из Губахи.

Володя оказался добрым мастером. Из разогнутой канцелярской скрепки выковал что-то вроде гвоздя и скрепил им ремешок на босоножке. Получилось здорово.

О свадьбах Ася имела смутные представления. Увидев толпу людей за огромным праздничным столом, она растерялась. Заря же, наоборот, осмотрелась, вклинилась меж двух людей на скамейке, втиснула туда Асю. Люди моментально сомкнулись и зажали Асю в тиски. Сосед справа поправил очки, всмотрелся и, заподозрив в ней малолетку, интеллигентно с ней поговорил, обеспечил тарелкой, вилкой и забыл о ней напрочь. Второй сосед ни разу к Асе не обернулся: он был занят пышногрудой яркой блондинкой, всеми своими манерами игравшей роль дворянки из девятнадцатого века.

Ася подозревала, что ей будет жутко тоскливо на этой шумной свадьбе, но надеялась на Зарю. Она искала её в толпе. Пару раз Заря сама наваливалась на Асю сзади, громко интересовалась делами и тут же, заразительно хохоча, пропадала.

Так или иначе, отсидев пару часов, Ася основательно объелась, даже завернула в газету кусок недоеденного гуся, золотистого чак-чака и вытянула своё тело из тисков, почти не освободив соседям места. Они даже не заметили, что она пропала, разве что дышать им стало легче. Помахала Заре, сбежала с пятого этажа дома, где проходила свадьба.

Ася лежала на кровати, а на соседней тумбочке тикал чужой будильник. Между ними на спинке кровати висело платье, и по стене бегали тени от фар проезжающих машин.

Стало трудно дышать. Ася откинула одеяло и поняла, что

уже наступило утро. Зазвонил будильник, словно первый взрослый звонок её новой жизни.

Глава 5

В целом бригада оказалась к Асе добра, но та вечно терялась в неловких церемонных разговорах, отчего становилась мишенью для подколов. Скоро выяснилось, что, пока она должна была ходить в ученицах, образцовая чистота в цехе ложилась на её плечи. «Метёлки здесь... ветошь тут... контейнеры для мусора там...» – проводил инструктаж мастер. Что было самым неприятным, так это то, что Ася должна не только подметать и выбрасывать мусор, но и вытирать ветошью масляные пятна, натёкшие из-под погрузчиков. Попыталась сопротивляться – мастер налился тёмно-багровым цветом и понятно объяснил, что здесь не детский сад и нянек нет. Ася посыл усвоила и поплелась к контейнеру с ветошью. Комки из лоскутов, ниток, обрезков воняли кислотой и плесенью. Ася пыхтела, елозила ветошью по полу. Перепачкалась с ног до головы в первой же лужице. Пропитанный маслом тяжёлый ком использованной ветоши приходилось тащить через весь цех. Но потом она приспособилась выбрасывать ветошь в ближний контейнер.

Ася чувствовала себя лучше, когда водители уезжали по цехам и складам, а она оставалась одна с метлой и совком для мусора. Шустро ходила по опустевшему цеху, наводила порядок, мыла погрузчики. Просыпаясь по ночам, дрожала от усталости и паники. Снова и снова убаюкивала себя мыслью,

что в октябре мытарства закончатся. Исполнится восемнадцать, к этому времени окончат курсы водителей, в ноябре получит права...

Потихоньку стала учиться управлять погрузчиком. Педаль в пол, колёса тихо шуршат по наборному полу, впереди вилы, как бивни. В восторге медленно катила от стенки к стенке и обратно. Отражение погрузчика на серой стене казалось чёрным мамонтом с охотником на спине. Вдоль стен цеха громоздилась пустая тара, коробки с паклёй, мрачные стеллажи с инструментами, сквозь которые не мог пробиться свет дневных ламп. Через занавеску бригадирской бытовки высвечивался внимательный взгляд.

В полутьме цеха Ася взобралась на погрузчик, удобно устроилась на сиденье. Покрутила руль на длинной стойке, проверила люфт. Вправо градус движения был больше, чем влево.

Далеко под крышей загрохотал гром. Даже шум навесного конвейера не смог перебить силу звука. С улицы в корпус завода стали забегать промокшие люди. В окне было видно, как то и дело огненными зигзагами рождались молнии, при всполохах делалось светло. Там, на улице, лил, бил, струился, хлестал дождь, а в цехе было тепло, душно и нестрашно. Там, за стенами, бушевала гроза, каждый следующий разрыв гремел сильнее предыдущего, а Ася сидела на мягком сиденье, примерялась к педалям газа и тормоза.

Погрузчик мягкими толчками тронулся с места. Ася ис-

пугалась, нажала на тормоз. И вдруг поняла, что сейчас не хватает отца. Что бы он сказал? Молодец! Не бойся! Дави на газ! Ася сжала губы в полоску, нажала на газ – и тут одновременно ударили молния и гром. Вокруг загремело и засверкало, подвесной конвейер остановился, каретки по инерции с грохотом покатали на соседние.

Довольно быстро распогодилось. Снаружи ещё остаточное сверкали молнии. Люди прятались от дождя, вслушиваясь в непогоду, стали постепенно разбредаться по срочным делам. Вновь заработал конвейер. Асе нестерпимо захотелось выйти на улицу, вдохнуть эту прелесть после дождя. Это невозможно пропустить. Разве это честно: там воздух, свобода природы, а ты тут умираешь от невозможности выбраться? Когда выглянуло солнце, Ася не утерпела, вышла через дверь в высоких воротах и подставила лицо солнцу и остаткам дождя. Чувствовала, как мокнут глаза. Моргнула, напрягла мускулы рта и слизнула капельку, потом зевнула. Зевать нельзя. Надо возвращаться в цех. Срочно! Пока никто не заметил отсутствия.

Вновь вернулась на погрузчик. Теперь сиденье не показалось таким тёплым и мягким, как во время грозы. Холодный кожзам, непроницаемый для воздуха, ни намёка на залитый солнцем мир за окном.

При повороте противовесом погрузчика ударила другой погрузчик. Соскочила, присмотрелась – на жёлтой поверхности среди десятка других царапин появилась свежая. Пыта-

сь замаскировать, потёрла пальцем – бесполезно, лишь отшелушила рваные края краски. Послюнявила. Дальше изобретательность иссякла. Может, не заметят.

– Пиши объяснительную, – сказал человек.

Ася подпрыгнула от неожиданности, нервно сглотнула, загородила собой царапину:

– Ничего страшного.

Человек пальцем отодвинул Асю от погрузчика, осмотрел царапину, прикоснулся. Хотя его внимательный взгляд был направлен на машину, возникало ощущение, что он разглядывает Асю спиной – так напряжены его мышцы.

Какой странный человек и какое странное внимание! Такого с ней ещё не случалось, разве только тогда, в Перми, три недели назад, когда встретилась со старушкой в аптеке. Тотчас возникло лицо старухи – такое, каким сохранилось в памяти, – чуть одутловатое, морщинистое, как кора столетнего дуба.

– Пиши. Иначе оштрафую.

«В чём дело? Просто невероятно. Взгляните вокруг, ни одной машины без царапины». – Она снова взглянула на его спину.

Он обернулся, светлые грустные глаза, вроде не старик, а во взгляде – древняя тяжесть прожитых лет.

– Штраф – это сколько? – заговорила Ася.

– Половина месячного оклада.

Ася всплеснула руками.

– За царапину?!

– Порча государственного имущества.

– У меня и оклада нет, так – ученические только.

– Долг уйдёт на следующие месяцы.

– Да я лучше уволюсь.

Он внимательно взглянул на Асю:

– Вали.

Коротко, хлётко и больно, словно надавал пощёчин. Редко можно увидеть человека с таким отражением внутреннего мира на собственном теле. Какой-то невероятной способностью перевоплощения обладал этот человек. Только что смотрел на неё другой стороной тела, а теперь смотрит открытыми глазами, моргает, жестикулирует, двигает пальцами, а ощущение такое, что обернулся к тебе бетонной непроницаемостью. Спина оказалась более разговорчивой и понятной.

Пошёл по кругу осматривать погрузчик, придирчиво вглядываться в каждую царапину.

Ася семенит следом, заискивающе улыбается. Она не верит, что он такой грубый, как хочет казаться. Так прячут сокровенные мысли и несчастье.

Мама говорила, что счастливого человека легко узнать. Он излучает ауру спокойствия и тепла, движется неторопливо, но везде успевает, говорит спокойно, но произносит много. Все его понимают, потому что секрет счастливого человека прост: он живёт без напряжения. Мама Конфуция не

читала, но откуда-то знала его изречения или сама домысливала.

Сколько времени он стоит рядом? Минут пять? Десять?

Человек подвёл Асю к двери, на которой висела табличка «1-й участок», и втолкнул внутрь. Они оказались в маленькой комнате, неряшливо окрашенной синей краской. Стены густо увешаны планшетами с пожелтевшими вырезками из газет, старыми приказами. В углу кнопками прицеплено распоряжение начальника цеха, под подписью с ошибкой накарябано матерное слово. Под потолком короткими яркими всполохами умирала лампа дневного света. Натужно шуршала, гудела, наверное, вместе с мастером выгорала невысказанной обидой и одновременно печально тускнела. Отдельной кучей в углу свалены колёса, обода, резина. Практически всю комнату занимал деревянный истасканный стол. На столе лежало стекло в нескончаемой паутине трещин. Стекло, пожалуй, разбивали сотни раз, ещё свежие трещины наползали на старые, забитые грязью. Стекло не распадалось на осколки благодаря прослойке из плёнки. К тому же края были заботливо оклеены синей изоляцией. Если попытаться стекло поднять, оно провиснет изломанной морозной горкой. Ася огорчённо вздохнула. Бытовка оказалась пустым склепом. Окно запаяно, без единого звука снаружи. Даже пыли нет. При соприкосновения с маслом пыль здесь сразу превращается в плотную тягучую массу, которую невозможно смыть, можно только к ней прилипнуть или

оставить узорчатые отпечатки пальцев, переплетения волокон спецовки.

Хоть они и зашли в бытовку, ощущение пустоты не пропало. Бытовка по своей сущности должна переполняться визгом, матом, руганью, смехом полутора-двух десятков человек, а если меньше, то, значит, никого нет.

– У меня нет ручки.

Ася почувствовала, что по его лицу скользнула улыбка. Что смешного она сказала? А он улыбался не ей, а той, что входила в бытовку.

Привела пьяного. Скорее всего, угрозами, пинками, подзатыльниками.

– Михалыч, забери вашего. Иначе в ГАИ сдам. – Та, которой Михалыч улыбнулся, пихнула пьяного на скамейку и быстро пропала.

Брошенный уставился на Асю потухшим взглядом, потом набрал воздуха в грудь и зычным «Пошла вон!» загнал её в угол, на другой край скамьи. На Асю дохнуло непривычным ужасом и ушло, когда услышала спокойный приказ Михалыча:

– Не ори!

– Ты гад! – уронил голову пьяный на стол и со всей дури ударил по стеклу. На нём мгновенно ожил новый многоплановый паук. Его щупальца криво разрастались в стороны, обрывались на сколах. А пьяный долбил и долбил, словно заставляя щупальца ползти дальше, за край изоленды, на

древесину стола, металл стены.

На какое-то мгновение вспыхнула лампа и погасла навечно, видимо решив, что лучше умереть, чем дарить свет этому убожеству. В сумраке от плотно сдвинутых тёмных штор Михалыч извлёк из металлического шкафа общую тетрадь.

– Иди домой, проспись. Я тебе поставлю ночную смену.

– Михалыч... – Крылья ноздрей пьяного вздулись и напрыглись. – За что?

– Иди, говорю, пока начальник цеха не увидел.

– Я ж её на руках носил... – Чтобы не расплакаться, часто заморгал, прикусил нижнюю губу. – ...Чем я хуже его? Вот скажи! А? Чем? Зарплату ей, в институт хочешь... иди, учись, кольцо купил за сто двадцать семь рублей (Бац по столу!). Лучше бы пропил! Два ящика водки! Сорок бутылок!

Он оплакивал своё счастье. Девушка нарушила его, убежала, и уже нельзя прийти к ней утром, позвать в кино, попросить налить чай. Они не будут сидеть в темноте безлунной ночи, и его волосами будет играть не её ласковая рука, а холодный, пронзительный ветер. Самое страшное, она уже не будет его женой, не будет матерью его детей...

– Федь, уходи, – продолжал выплывать из тьмы голос Михалыча.

Ася открыла шторы и позволила свету из цеха наполнить комнату. Сразу стало понятно, что Федя порезался.

– Что это? – растирал он кровь по столу, пытаясь избавиться от неё, как от видения.

Михалыч выругался, полез в шкаф за бинтами.

Федя, воздев руку, чуть ниже ладони, у переплетения сосудов и сухожилий увидел кровавый срез. Заплакал, по-звериному стал вылизывать рану. Сплюнул прилипший к языку осколок стекла. По тихому подвыванию, всхлипыванию и бормотанию «За что? Почему она так?» было понятно, что душевная рана намного глубже, чем на руке.

Федя уснул на скамейке. Его перевязанная рука свисала к полу, из полуоткрытого рта на щетинистую щеку стекала тонкая, вязкая струйка слюны. В полумраке комнаты она поблёскивала нитями серебра.

– Чего расселась, пиши объяснительную! – заорал Михалыч на Асю, а сам скинул тяжёлые, пропитанные соляжкой и маслом ботинки, взобрался на стол. На носке, в районе большого пальца, в заплатке другой заплатки образовывалась новая дыра. Ноготь был чёрным, видимо, от удара. За мгновение до этого Михалыч пяткой раздавил ручку. Она треснула пополам, нижняя часть отлетела к окну, из второй половинной антенной торчала паста. Он осторожно переступал по столу, отчего стекло под его ногами хрустело.

Выкрутил стартеры, продул, вытер о штаны, поменял местами, и лампа вновь загорелась, теперь уже без электрического гула и жужжания. Михалыч прислушался, подождал. Свет был слабым, в нём едва угадывалась жизнь, когда он переходил в трепет, Михалыч напрягся, тянулся – и тут же тусклое поблёскивание прекращалось. Лампа словно ба-

ловалась или заигрывала с ним.

Предмет, который Михалыч задел во время спуска со стола, оказался пепельницей, набитой окурками. Раздался оглушительный треск.

– Зараза! – выругался Михалыч и заставил Асю убирать.

Она онемела и впервые сознательно оценила всё, что её окружало. Незнакомые люди с хмурыми взглядами, пронизанные запахом табака, алкоголя, заводского масла, и с полным презрением к ней, как к нежному созданию, папиному солнышку, маминой кызамочке.

Теперь писать объяснительную казалось куда приятнее, чем убирать окурки. Ася сделала вид, что не расслышала, уткнулась в бумагу и переломанной пастой принялась быстро писать: «Начальнику цеха... прошу Вас...»

Неожиданно в бытовке запахло гарью. Михалыч выглянул в окно. Оттуда, с высоты стола, он увидел контейнер, полный дыма.

Если бы Ася знала, что произойдёт через минуту, она бы постаралась сбежать раньше, и тогда бы ей не пришлось слышать, что кричал Михалыч. А тот в сердцах плюнул, спрыгнул на пол и уже через секунду босиком скакал по лестнице вниз.

Открытого огня не было, но и без него было понятно, что в контейнере горит промасленная ветошь, и ещё понятнее, кто эту пакость сотворил – конечно же, эта бестолковая зараза-ученица. Наберут всякую мелюзгу, потом нянчись с ней.

Сквозняк потянул дым к воротам, в горле уже появилось удушье. Ася стояла наверху и видела, как Михалыч тянет от гидранта напорный пожарный рукав. Бежал он тяжело и один раз даже остановился, чтобы перевести дух. Но тому, кто бежал впереди, было ещё тяжелее, потому что он вдруг споткнулся, упал на колени, растянулся животом. Михалыч подбежал к нему, крикнул, перепрыгнул. Напорный рукав тяжёлым удавом потащился следом – поверх упавшего – и неожиданно застрял под колесом погрузчика. Михалычу пришлось вернуться. С красным лицом он костерил на чём свет стоит этот «долбаный рукав» и пытался выдернуть из паза, даже задом толкнул погрузчик. Получилось!

Дым поднимался, и уже блеснули первые языки огня. Ася в поисках огнетушителя заглядывала в углы, под лестницу. С удивлением заметила, что вместе с огнём в контейнере появился человек. Ася признала Федю, перестала дышать. Хоронясь рукавом спецовки, он топтал жаркую ветошь.

– Гасите! – вопил он Асе и Михалычу.

Люди не слышали, зато откликнулся огонь. Огонь жарко ухнул, вцепился в штанину Фёдора, пополз вверх, грозя превратить человека в живой факел. Фёдор грохнул его двумя хлопками. Первой опомнилась Ася, побежала в бытовку за чайником. Михалыч пытался подключить рукав к гидранту. Но было понятно, что не успеет. Дым становился гуще, а огонь выше.

– Открывай ворота! – заорал Фёдор Михалычу и выска-

чил из контейнера.

Тут же взревел автопогрузчик, подхватил горящий контейнер и на бешеной скорости сдал задом.

– Пошли с дороги! – орал Фёдор пешеходам из клубов дыма.

Михалыч бежал следом.

На счастье, ворота оказались открытыми. На свежем воздухе контейнер моментально вспыхнул высоким факелом. За короткое мгновение небо наполнилось дымом и гарью. Фёдор на полной скорости рванул прочь от корпуса завода, потом резко затормозил, давая контейнеру возможность самому соскользнуть с вил на землю.

Контейнер прогорал минут пять. Когда всё наконец прекратилось, наступила тишина, будто все звуки исчезли. Остались только Фёдор, Михалыч и Ася.

Фёдор медленно сошёл с погрузчика к обгоревшему контейнеру, убедился, что там не осталось ни огонька, ни искорки.

– Твоя работа? – кивнул протрезвевший Фёдор Асе.

– Спасибо, – шепнула она и побрела за Михалычем.

Фёдор закурил, спичка затухающим факелом улетела в траву. Огонёк сигареты вспыхнул, высветил небритое лицо с неприятным волчьим прищуром, оценивавшее девичий зад.

Ася в угрюмых раздумьях плелась за Михалычем, и было понятно, что теперь она одной объяснительной не отделается. Есть выбор: или впасть в затяжное вранье – «не знала,

никто не говорил, не предупреждал», но если поднимут документы по технике безопасности, там её подпись, что инструктаж прошла, ложь так или иначе выплывет наружу. Отболтаться никак не удастся.

Начальник цеха Сергей Васильевич Шутенко ел рисовую кашу из пол-литровой стеклянной банки.

– И что? – резко спросил Шутенко.

Ася почувствовала лёгкий подвох. И так весь цех знает. Приходил пожарный, втроём писали объяснительные, ходили на улицу к брошенному закопчённому контейнеру. Пожарный подозрительно высматривал, измерял, ходил кругами, задавал вопросы.

– Простите, – опустила голову Ася.

Михалыч вытаращил на неё глаза: «О чём ты лепечешь?! Вон с завода! Агент иностранной разведки!» Шутенко подумал то же самое, но другими словами.

– Значит, осталось три дня? – Сергей Васильевич перевернул страницы перекидного календаря.

– Васильич, гони её в шею! – всё-таки не удержался Михалыч.

– Вот как? – подозрительно переспросил Сергей Васильевич, покосившись на Михалыча. – Ты, милая, давай выйди отсюда, мне с Михалычем погутарить треба.

Секретарша у Шутенко красавица. Повернувшись к Асе спиной, слюнявит белую щёточку, долго елозит в канавке

бруска туши и ещё дольше красит ресницы. Тщательно вытягивает каждый волосок и ежесекундно моргает. В отражении зеркала виден хмурый лобик, неестественно распахнутые глаза, декольте почти до сосков. После завершения макияжа лицо секретарши становится снисходительным и добрым.

На столе порядок, тяжёлая пишущая машина, ещё под чехлом, хотя время близится к обеду, бумага прибрана в аккуратную стопочку. В стакане остро отточенные карандаши.

Слышно, как за дверями продолжается недушевный разговор.

Посидев с полчаса, Ася начала раздражённо поглядывать на секретаршу:

– Мне долго тут сидеть?

– Иди работай. – И, словно вспомнив о своей, потянула чехол с пишущей машинки, вставила листы, переложённые синей копиркой, красными коготками забарабанила по клавишам.

Внезапно дверь кабинета хлопнула, сыпанула дробь шагов по металлу пола. Михалыч, столкнувшись с человеком в дверном проёме, коротко его отпихнул, истеричным фальцетом послал подальше и устремился вдоль кабинетов по узкому коридору.

Ася вскочила, рванула за мастером. Была бы старше и хитрее, затаилась бы в уголке, переждала грозу, а так, как малолетняя дурочка, попёрлась на рожон. Не понимая, что с ней

не желают разговаривать.

– Мих... – С ужасом поняла, что не знает его полного имени. – Товарищ Михалыч! Гражданин! Господин...

От каждого слова Михалыч вздрагивал и, кажется, распухал до такой степени, что не мог протиснуться по узкому коридору.

– ...Сэр! – голос у Аси упал, когда она увидела красные глаза, напряжённые крылья чёрных ноздрей.

Михалыч тарачился на неё, всем видом показывая, что готов её испепелить, уничтожить.

– Байконур Михайлович! – следом за ними вышла секретарша, словно решила помочь Асе и перевести огонь на себя. – Вы забыли подписать бумаги.

– Какие бумаги? – произнёс он и удивлённо замолчал.

Этот вопрос застал секретаршу врасплох. Она свела брови и поменяла спокойный тон на требовательный.

– Байконур Михайлович! Документы подпишите. Я что? По заводу буду бегать за вами?

– Да, конечно, – растерялся он и вернулся.

В бытовке к Асе подсел Фёдор, абсолютно трезвый. Поддерживая перевязанный кулак другой рукой, принялся задавать вопросы.

– Я это сильно? – жестом показал удар. – Михалыч из-за этого бесится? Мы вчера Лёху провожали. Застолье там небольшое. Шуры-муры. Вечером к Зойке попёрся. Не подфартило, Зойка была не в настроении. И вот пошло-поехало.

А ты новенькая? Как зовут?

– Ася.

– Ты, что ль, накидала ветоши?

– Ага.

– Ну ты и безмозглая. Ладно, с кем не бывает! Если надо помочь, обращайся. Хочешь, покатаемся по цеху? Наверняка не умеешь контейнеры ставить. Мне всё равно сегодня смену не поставят.

Они катались практически до вечера, до окончания первой смены. Фёдор выставил два контейнера друг против друга и показал, как объезжать их по восьмёрке. «Левее, правее, куда ты, балда?» – голосил он, иногда психовал, уходил курить, вновь возвращался и бесконечно заставлял устанавливать одну тару в другую. За полдня у Аси получилось только один раз, да и то случайно.

В один момент Фёдор надолго пропал, вернулся в цех, широко растопырив руки.

– Ты чего? – удивилась Ася его странной походке, и тут в свете ламп бликнуло стекло.

– Помоги, – буркнул Фёдор и стал осторожно боком подниматься по лестнице, подождал, пока Ася забежит вперёд, откроет дверь, и уже там поменял растрескавшееся стекло на новое.

Байконур Михалыч от такого щедрого подарка расцвёл в улыбке, скомкал недописанную Асей объяснительную, выкинул в ведро, хотел было спросить у Фёдора, как тому уда-

лось раздобыть стекло, потом махнул рукой. «Какая разница, уболтал, наверное, кладовщицу со склада. Вот бы ещё стол, стулья. Свои стулья давно разохлись, валялись в углу лаковыми брусками, пришлось взамен колотить деревенские скамейки».

В бытовку стали возвращаться со смены водители. На новом стекле появилась чистая пустая пепельница. Одна женщина извлекла из сумки кулёк из газетной бумаги, развернула на столе. Посыпались розовые пряники, их стали шумно, с хохотом ловить, отправлять в рот, одновременно жуя, разговаривая, хохоча. С пряниками моментально покончили, Михалыч всем подписывал путёвки. С мужиками прощался за руку, женщинам кивал. Постепенно люди уходили, голоса их перемещались к табельной, раздевалке, проходной, автобусной остановке. Ася с удовольствием терялась в этом потоке.

Глава 6

На почте было много народу. По ту сторону стекла виднелся стеллаж с посылками. Подошла очередь, почтальонша забрала у Зари квитанцию, сверила с паспортом и вынесла фанерный ящик. «Вот!» – брякнула посылку на весы, отчего стрелка улетела в противоположную сторону – была бы стеклянной, разлетелась бы вдребезги.

С трудом дотащили посылку до дома. Заря колупала крышку тупым ножом, а Асе мечтались банки с вареньем, пересыпанные картошкой или яблоками, вяленая чухонь с вогнутой серебристой спиной. Переломят рыбу пополам, прохладными речными каплями брызнет прозрачная чешуя, рыбий жир, обнажится несмелый перламутр кожи...

Зубастая гвоздями крышка поддалась, и вместо домашних щедрот девчонки увидели серый камень. Камень идеально совпадал с размером посылочного ящика и заботливо – по краям и углам – был переложён верёвками, утыкан рваными тряпками.

Ася подумала, что посылку обокрали, если бы не письмо на затылке камня. Развернула. Какой-то сумасшедший нарисовал реку, ко дну стремилось тело с камнем на шее.

Заря забрала рисунок, скомкала, кинула в ящик и, не переставая хмуриться и злобно кого-то проклиная, понесла ящик на балкон, передумала, вышла в коридор, уехала на

лифте вниз. Вернулась с радужно-счастливым настроением, как будто не было понятно, что это деланая маска на лице. Ася почувствовала себя виноватой, словно камень прислала она.

Вновь Асе не хватило житейской мудрости, такта взрослости. Умела бы молчать, не взялась расспрашивать Зарю о посылке, а тихонько бы удрала в кино или прогулялась по магазинам, а ещё лучше – съездила бы в гости к Юле и тётё Ане.

– Откуда посылка? Там обратный адрес неразборчив.

– От него, – Заря сидела на стуле, поджав ноги, и макала хлеб в мёд.

– Объясни толком!

– Чего привязалась. Сказано «от него», значит, «от него».

Будешь приставать, поссоримся.

Ладно, завернём с другой стороны. Узнать, кто он, не получилось, но на вопрос «зачем?» должна ответить.

Заря холодно зыркнула, взглядом отправила Асин вопрос подальше.

Ася хотела обидеться, но любопытство пересилило, с детской искренностью возмутилась:

– Заря, миленькая, так нельзя! Нельзя получать такие посылки.

– Давай потом. Лучше расскажи, как день прошёл? Говорят, в ТСО сегодня был пожар. Ты напортачила?

– Почему сразу я?! – вскинулась Ася и поняла, что крыть

нечем. Действительно ведь виновата она, и больше никто. – Да и не пожар вовсе, а всего ветошь горела в контейнере.

– И что?

– Фёдор отвёз контейнер на улицу.

– И что?

– Мастер ругался.

– И что? – Видимо, сейчас Заря пребывала совсем в другом времени и пространстве и поэтому задавала бесконечный, бессмысленный вопрос. Спрашивала не для того, чтобы получить ответ, а чтобы на время отгородиться от любопытной соседки.

– Потом прикатил колобок и всех съел, – разозлилась Ася.

– Ты расстроилась? – вдруг проявилась из тумана задумчивости Заря.

На кухню зашла молодая женщина, кажется, Ольга, с обручальным кольцом на руке, в синем трико с лампасами, в белой футболке с квадратной эмблемой на груди. Тихо мыла посуду, небрежно поглядывала на Асю с Зарёй.

– Не разговаривай, – тихо предупредила Заря.

«Почему?» – взглядом спросила Ася.

Заря ответила неопределённым жестом:

– У неё муж сбежал со свадьбы.

Ася не сводила взгляда с Ольги. Однажды такое читала – Анна Каренина! Но то в книге или в кино, а здесь впервые реально видела брошенную невесту. И ничего?! Стоит, моет посуду, подслушивает. Анна Каренина бросилась под поезд,

а Ольга пойдёт на берег Камы, долго будет стоять, набираться мужества, чтобы с размаху ухнуть в волны от проходящей мимо ракеты. Теперь жизнь для неё пропала. Как очарованная, Ася смотрела на Ольгу до тех пор, пока та не обернулась, ловко сдула с глаз нависшую чёлку и мило улыбнулась.

С чего вдруг? Хмурится, улыбается.

Ася привычно двумя ложками сахара подсластила чай, глотнула, отодвинула стакан – в болтовне переборщила со сладким, наверное, ложек десять уже намешала. Когда Ольга скрылась в комнате, Ася упёрлась подбородком в сцепленные руки, спросила:

– Почему кольцо не снимает?

– Стыдно быть брошенной. На заводе узнают – засмеют.

– Заря, а тебя бросали?

– Миллион раз!

Заря, посмеиваясь, наблюдала за мгновенной сменой выражений на лице Аси: эмоции переливались из одного состояния в другое или застывали на время. Это, наверное, особенность молодости – сочетать в себе абсолютно несочетаемое, например веселье и злость. Заря выждала ещё пару мгновений и продолжила:

– Мне позарез надо замуж.

Ася взглянула на Зарю как на тыквоголового пришельца.

– Понимаешь, мне осталось жить семь лет, восемь месяцев и... – Заря стала поочередно загибать пальцы на руках. – Шестнадцать дней. О нет! – разогнула мизинец. – Уже пят-

надцать. А потом он меня убьёт!

Ася так вздрогнула, что веснушчатая мордашка Зари расплылась от удовольствия. Созерцая, наслаждалась эффектом слов.

Даже на вопрос, шутит ли Заря, у Аси в первую минуту не нашлось сил. Машинально допила переслащённый чай. На зубах хрустели кристаллики сахара, бессильные растаять.

– Это не шутка, – убедительно ответила Заря на непрозвучавший вопрос. – Вот как, по-твоему, я симпатичная?

Ася кивнула.

– Конечно. Слов нет.

– Вот и он так сказал: «Слов нет, чтобы описать твою красоту». Младший брат моего отца – дядя Вова. Часто в гости заходил, по хозяйству помогал: дрова нарубит, крышу подлатает. Отец-то давно умер, надорвался от тяжёлой работы. Я, бестолковая школьница, неосознанно подменяя отца братом, улыбалась дяде Вове, заигрывала. Помню, в тот день дома никого не было, мать на работе, а на улице разыгралась невероятная гроза. Я плакала, висела на его шее. Он успокаивал, гладил по голове, целовал. Потом в него вселился гений развлечений, и он затеял секретную игру. Положил меня на выдуманное поле сражений: мы лежали будто в глубоком снегу, выслеживали фашистских диверсантов, прижимались, грелись, и было хорошо от его близости и ласки. «Тихо, молчи, – шептал мне в ухо, – если фашисты тебя заметят, будет плохо». И он показал, как мне будет пло-

хо: это действительно было больно и неприятно. Я плакала. «Ты же не хочешь этого? – уговаривал он меня и утирал мои слёзы. – Мы же разведчики, а не трепачи какие-нибудь. Мы будем молчать. Это будет наша тайна. Скажи, как здорово! Только ты и я! Если будешь хорошей девочкой, я придумаю ещё много игр», – говорил он, разворачивая газету с ирисками без обёрток. После того случая дядя Вова стал приходить чаще, но однажды мама вернулась с работы раньше и застала нас за игрой.

Заря уже молчала, а Асе казалось, что она продолжает что-то говорить, слышались неровные такты её голоса, биения сердца, тихий детский плач на жёстком полу деревенского дома: наверное, её ангелы пытались оттащить от этого монстра, но у них не хватало физической силы, чтобы содрать мужское тело с распластанной на коврике девичьей хрупкости.

Ася молча сидела, ухватившись тонкими руками за пустой стакан, и продолжала по цепочке, кадр за кадром докручивать недосказанное видение: уставшая мама в синем платке, с хлебом, молоком, заходит в сени, громко зовёт дочку, толкает дверь в дом и не может осознать картину, которая неизменно, при каждом воспоминании вызывает краткое сжатие сердечной мышцы. Мгновенно земля с небом меняются местами, воздух становится ядовитым, потому что его выдыхает чудовище, склонившееся над маминым неземным созданием.

– Я тут на днях от него письмо получила, – улыбнулась Заря, сбегала в комнату и вытащила из конверта кривой крестик, скрученный из алюминиевой проволоки. – Вот прислал на мою могилку.

Крестик лежал на рисунке спелого граната, зрелые зёрна так аппетитно рассыпались по клеёнке, что хотелось собрать и съесть. Но гранат бутафорный, а крестик настоящий.

– Там ещё много писем с подарками, почти каждый день приходят, – Заря неслышно подошла к плите, зашуршала электрозажигалка, под чайником вспыхнул огонь. – Осудили на тринадцать лет, на суде кричал, что, когда выйдет, обязательно меня убьёт.

Асе было сложно осознать услышанное. Это какая-то чёрная сказка, которую нельзя рассказывать детям.

Что бы сделала её мать, если бы увидела такую картину? Точно бы убила. Нет, конечно, это неправильно, но за дочь – позднюю, долгожданную дочь, такую любимую и ненаглядную – она бы убила. Эта хрупкая женщина в ту же секунду приняла бы жёсткое фронтовое решение. И никто бы не смог её одёрнуть, приказать, даже если бы её в этот момент заперли в сейф. Она бы внутренним ядерным несогласием разнесла всё к чёртовой матери и стёрла бы этого урода в порошок, потом бы обратилась к колдунам, требуя воскресить, собрать, оживить, чтобы вновь стереть.

Они бы ещё поговорили, но тут в квартиру зашёл Володя, позвал Зарю в кино.

Заря предложила Асе пойти в кино, но не уговаривала. С насмешливым лицом выслушала её робкие возражения: «Не хочу, видела». На самом деле не было денег, вечерний сеанс стоил шестьдесят копеек, а в кармане два рубля восемнадцать копеек и неизвестность первой полочки. Продержаться месяц не получится, придётся занимать.

Когда они ушли, Ася растянулась на кровати и устала лежать на цветы на обоях. Мама уверяла: если так пролежать минут двадцать не мигая, можно увидеть цветочных человечков. Лежала, смотрела и ждала. На голубых обоях, с затёртостями и царапинами, тронулись зелёные облака, первой подмигнула розовая незабудка справа, слева улыбнулась ромашка. Ромашки Асе нравились больше, чем другие цветы. Странное сочетание белого, жёлтого, зелёного; удлинённые лепестки, выпуклая середина, рассечённые листья. Раньше Ася на них гадала: «Любит – не любит». Если последний лепесток заканчивался на «не любит», сердилась на обоих – и на цветок, и на избранника. Если цветок можно было выбросить, то сердце от загадочного человека не освободишь. Однажды прочитала про ромашки чьи-то стихи: «Маленькое солнце на моей ладошке...» С тех пор гадать на ромашках перестала.

От грустных воспоминаний глаза Аси налились слезами, она изо всех сил старалась не моргать.

Квартира вновь стала наполняться людьми. Из деревни вернулась Любка, притащила две тяжеленные сумки продуктов, тут же следом ворвались две её сестры, стали шумно де-

лить родительские гостинцы. Словом, пришло время надеяться к тёткам в гости. К кому? Конечно, к тёте Ане. После того как тётя Мая упорно нашёптывала тёте Ане, что надо срочно выпроводить племянницу в общежитие, её рейтинг в глазах Аси рухнул с небес в кратер вулкана. Ася не понимала, зачем шептать на кухне гадости, не догадываясь, что человек может не спать и всё слышать. Тётя Аня отнекивалась, оправдывалась, а тётя Мая настаивала:

– Общежитие дали, вот и пусть спит там!

– Так ребёнок же ещё, да и Зойка обидится, если дочку в общежитие спровадим.

– Зойке не говори, сама, скажешь, уехала. Мне никто не помогал. Гони, говорю. А если родит? Намаешься потом. Зойка навалает, скажет: «Недосмотрели».

Сначала Ася не поверила, что это говорит её дорогая, любимая тётка, даже вышла глянуть, вдруг обозналась. На кухне их было всего двое. Тётя Мая, конечно, великая артистка: заметив заспанную племянницу, на скаку «включилась» в ситуацию, мгновенно поменяла жёсткую гримасу на маску любви и обожания. Зачем такое двуличие, хотелось спросить, но не спросила. Спокойно позавтракала, а потом «упросила» тётю Аню помочь найти общежитие. Нашли быстро. Здание общежития стояло рядом с остановкой.

Мать Аси была старшей из четырёх сестёр: Зоя (Зулейха), Аня (Бибинур), Мая (Магдания), Флюра (Флюра). Флюра в угоду лёгкости произношения и запоминания для средней

полосы Советского Союза пока ещё имя не меняла. Если переедет, наверное, станет Фаей, или Фаиной, или Флорой. На сегодняшний день младшая Флюра проживала в Узбекистане, была счастлива в браке и переезжать не планировала. Хотя уговаривали. «Но она же не дура! Менять рай на работу!»

Тётя Аня работала секретарём у начальника строительной компании – мама утверждала, что она очень грамотная, а Ася думала, что красивая. Во всяком случае, тётя Аня густо красила брови, пользовалась яркой помадой. То, что она была самой дородной из сестёр, никакого значения не имело, потому что для начальника, который по-русски писал «никак», тётя Аня была подарком, пером от крыла ангела. Он наговаривал на татарском, она печатала на русском. Часто его мысль формулировалась и передавалась на бумаге лучше, чем он её выражал сам.

Через неделю на выходные Ася поехала в гости к тётке Ане. К сожалению, Асю в гости никто не ждал. Здесь и без неё хорошо проводили время. Тётя Аня была занята: она встречала дорогого гостя, надеясь, что, может быть, он станет её зятем. Юля, сидевшая на диване в позе скорби, бесконечно поправляла юбку и коротко отвечала на вопросы тётки, в перспективе – будущей свекрови. Это была маленькая женщина с жёлто-красным лицом, невероятно морщинистым и довольно злобным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.